

ТАТЬЯНА ЛАКИЗЮК

ХРОНИКИ ДРАГОМИРА

ПО ТУ СТОРОНУ
БЕЗДНЫ

КомпасГид
издательский дом

Хроники Драгомира

Татьяна Лакизюк

**Хроники Драгомира. Книга
4. По ту сторону бездны**

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Лакизюк Т. А.

Хроники Драгомира. Книга 4. По ту сторону бездны /
Т. А. Лакизюк — ИД "КомпасГид", 2023 — (Хроники Драгомира)

ISBN 978-5-00083-883-9

«По ту сторону бездны» – заключительная часть тетралогии Татьяны Лакизюк «Хроники Драгомира». Вместе с Луной и ее друзьями вы пройдете испытания Эссантии, узнаете, можно ли уничтожить черные книги, отравляющие волшебный мир, и присоединитесь к решающему сражению между добром и злом! После победы над Гиацинтом жизнь мирных жителей постепенно возвращается на круги своя. Все рады долгожданному спокойствию и с надеждой смотрят в будущее. Луна наконец получает возможность изучать целительство в Манибионе, о чем так давно мечтала. Но девушку беспокоит, что черные книги до сих пор не уничтожены и заточены под защитными заклинаниями в сокровищнице. Правители ищут способ избавиться от них, но все их попытки заканчиваются провалом. Создательница Драгомира – Эссантия, стремясь восстановить справедливость, вновь объявляет о начале поединков, не состоявшихся из-за нападения Гиацинта. Луне и ее друзьям предстоит доказать свою смелость и решимость, чтобы пройти все этапы соревнований. Но они еще не знают, какие опасности подстерегают на пути: им придется бороться не только за победу, но и за свою жизнь. Тем временем старый враг вновь обретает силу, тьма сгущается и мир начинает постепенно увядать. Смогут ли герои остановить злодея, прежде чем станет слишком поздно?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-00083-883-9

© Лакизюк Т. А., 2023
© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	13
3	21
4	25
5	31
6	35
7	42
8	49
9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

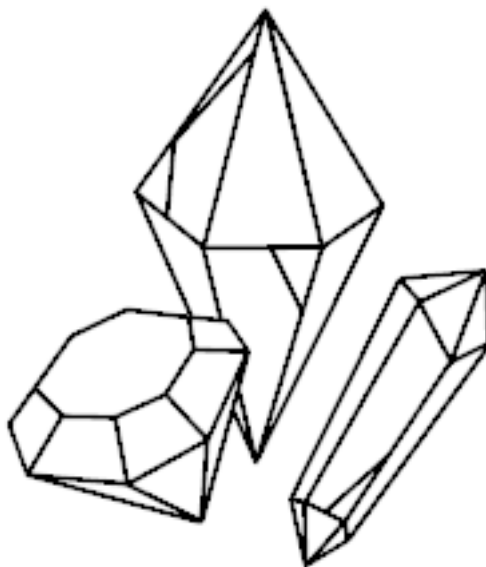
Татьяна Лакизюк
Хроники Драгомира. Книга
4. По ту сторону бездны

© Лакизюк Т.А., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Часть первая

1

– Что случилось? – воскликнула Луна, вскакивая с кровати.

Запутавшись в одеяле, она рухнула на пол, утащив за собой Фиччика, мирно сопевшего на подушке. Из открытого окна доносились звуки настоящей канонады.

Сидя на полу, Луна никак не могла понять: реальность это или сон? Уставший мозг отказывался соображать. Вчера до поздней ночи они просидели с отцом в библиотеке, готовясь к контрольной работе. Начав учиться в Манибионе, Луна поняла, что в ее знаниях есть дыра величиной с планету. Для того чтобы изучать медицину, требовались глубокие познания в анатомии человека. У Луны же они были на уровне «Дышим мы с помощью легких. Кровь бежит по венам и артериям. В груди бьется сердце, а пищу переваривает желудок». Другой информации взять было негде, и поэтому она ничего не знала о том, как работает этот сложный механизм под названием «организм человека». Каждый день она краснела на занятиях, и особенно стыдно ей было оттого, что рядом сидел Эгирин, тоже приступивший к занятиям в школе целителей. У него-то с его тягой к знаниям не было никаких проблем.

Чтобы немного разобраться, Луна и попросила помощи у отца. Вчера после библиотеки у нее еще долго не получалось уснуть, поэтому сейчас она никак не могла стряхнуть с себя сон, хотя за окном творилось настоящее светопреставление.

Едва солнце появилось из-за горизонта, кто-то решил запустить фейерверк в предрасветное сероватое небо, которое тоже словно застали врасплох. Оно едва сняло темный ночной наряд и еще не успело надеть яркий рассветный и поэтому было вынуждено предстать перед людьми в таком неприглядном виде. Из-за этого небо хмуро смотрело на яркие всполохи и искры, вспыхивающие то тут, то там. Вскоре к фейерверкам добавилась громкая музыка, и разбуженные люди, потирая глаза, потянулись на улицы.

Из кучи белья на полу Луна вытащила полусонного Фиччика, натянула первую попавшуюся одежду, поплескала в лицо холодной водой и тоже побежала на улицу, на ходу приглаживая волосы. Фиччик же не стал ни умываться, ни причесываться по одной простой причине.

Он продолжал самым что ни на есть наглым образом спать. Причем делал это, сидя на плече Луны и наполовину открыв глаза. Виртуоз, что тут скажешь. Но когда Луна вышла на улицу, хранителю пришлось проснуться, так как музыка буквально ударила в уши.

– Кому понадобилось в такую рань устраивать танцы-пляски? – проворчал он.

– И у меня тот же вопрос, – ответила девушка.

– У нас какой-то праздник, а я не знаю? – удивился хранитель.

Фиччик был настоящим экспертом по памятным датам Драгомира и знал наперед, когда и какой праздник должен быть. Почему? Да все просто! Любой праздник сопровождался банкетом, а какой же банкет без Фиччика?!

– Я тоже ничего не слышала, – Луна спускалась по исчезающим ступенькам, торопясь на площадь, куда стекался разбуженный народ. – Смотри, – показала она Фиччику на запад, – в Смарагдусе то же самое. Видишь, над их площадью яркие вспышки.

– Точно! И в Гарнетусе, – воскликнул хранитель, кинув взгляд в противоположную сторону.

Посмотрев на север и юг, Луна убедилась, что над всеми петрамиумами гремят фейерверки.

– Что бы ни случилось, сейчас мы все узнаем, – решила девушка, увидев высокую фигуру отца, который стоял в центре толпы и, приложив руку козырьком ко лбу, смотрел на небо.

Хотя, судя по его помятому виду и растерянному взгляду, он, как и другие драгомирцы, был поднят с постели без предупреждения.

Луна вклинилась в толпу, слушая обрывки разговоров.

– Что это такое?

– Нет! Тут главное не *что*, а *кто* запускает фейерверки!

– Да, совершенно непонятно, откуда они летят.

– Говорят, воины все обыскали и никого не нашли, – волновались драгомирцы.

Люди на площади были одеты весьма живописно. Кто-то так и остался в пижаме и тапочках, накинув сверху халат, кто-то натянул первую попавшуюся под руку одежду. Луна невольно улыбнулась, взглянув на пожилую пару: он в ее кофте с игривыми оборочками, она – в его медицинском кителе. Сама Луна хоть и торопилась, но все же не потеряла головы и собралась как положено, надела темные брюки и даже подходящую к ним по цвету рубашку. Но, посмотрев вниз, девушка чуть не застонала. На ногах так и остались веселенькие белые носки с красными сердечками и пушистые тапочки, в которые она по привычке сунула ноги перед тем, как забежать в ванную. Смутившись, Луна пробралась к отцу и, дернув его за рукав, спросила:

– Пап, что случилось?

– Да вот сами думаем... Одно могу сказать точно. Это Эссантия устроила праздник. Больше некому, потому что фейерверки появляются из ниоткуда и источник музыки мы не нашли.

– Эссантия?

– Ну да. Вот только по какому поводу? Мы тут с викариумами все даты перебрали и ничего не вспомнили. Фиччик, а ты случайно не знаешь?

Хранитель растерянно развел лапками.

– Уж если Фиччик говорит, что праздника нет, то, значит, его точно нет. Он еще ни разу не ошибался. Остается ждать. Эссантия обязательно даст понять, по какому поводу весь этот шум.

Луна с отцом смотрели на небо, которое окончательно проснулось и, смущаясь от такого количества пристальных взглядов, судорожно натягивало на себя рассветный наряд, пестрящий теплыми желтыми и розоватыми оттенками. Вверху продолжали расцветать пышные «пионы», меняющие цвет от красного до нежно-розового, следом загорались «хризантемы» с длинными дрожащими трубочками-лепестками. Вот полетела «комета», оставившая за собой

разноцветный шлейф, а за ней – сотни маленьких вспышек, похожих на жемчужины. Как только они погасли, наступила тишина. В небе появился водоворот, состоящий из золотых и серебряных искр. Некоторое время он кружился в такт музыке, а затем обрушился на людей дождем переливающейся пылицы. Не успели драгомирцы прийти в себя, как водоворот рассеялся и в небе, которое уже приделось и спокойно наслаждалось людским вниманием, зажглись огромные буквы.

– П-о-з-д-р-а-в-л-я-ю с н-а-ч-а-л-о-м в-е-л-и-к-и-х п-о-е-д-и-н-к-о-в, – прочитала Луна.

В центре неба загорелся восклицательный знак, который вскоре рассыпался на мельчайшие частицы и исчез. Девушка в изумлении повернулась к отцу:

– Что? Какие поединки?

– Да... – невразумительно протянул Александрит.

Повисла пауза. Затем правитель начал рассуждать вслух:

– Не понимаю... Какие поединки? Столько времени прошло. Скоро новый выпуск. А прежние выпускники уже всю осваивают мастерство. Даже напутствие от источников получили... Поединки? Для кого?

Он пожал плечами. На лбу появилась глубокая складка.

– Ответ один. Надо созывать стеллиум и идти в Валоремию. Раньше, еще до войны, Эссантия всегда оставляла шкатулку с инструкциями на пороге сокровищницы. Пойду ждать правителей. Они однозначно приедут сюда.

И Александрит быстрым шагом направился ко дворцу. Народ, проводив его взглядами, начал потихоньку расходиться по домам, обсуждая с соседями странную новость.

– Поединки?

– Поединки!

– Поединки?! – доносилось отовсюду.

Все растерянно чесали затылки и озвучивали миллионы версий.

Луна еще немного постояла и побрела домой, едва удержав руку, тоже машинально потянувшуюся к затылку.

Покинув площадь, она подошла к цветущей арке, как по привычке называли место, где раньше красовались высокие дуги, оплетенные вьющимися растениями. Луна любила эту арку и до сих пор помнила, какое сильное впечатление та произвела на нее при первом знакомстве с Драгомиром. Внутри было безумно красиво. Длинные лианы, густо усыпанные цветами, свисали с потолка, а бабочки и крохотные птицы придавали сходство с райским садом. Но это чудесное место по вине Гиацинта и его помощника Карнеола стало смертельной ловушкой для людей, которые, в панике убегая от призванных теми существ, застряли в ней, образовав затор. Многие драгомирцы погибли в той давке. Гелиодор, чтобы освободить их, снес верх арки огненной волной, за одну секунду разрушив то, что природа создавала годами.

После этого печального события арку не стали восстанавливать. Садовники посадили по краям аллеи нежные глицинии¹. Глицинию выбрали неслучайно, ведь она символизирует чистоту и исцеление. Правители хотели показать, что, несмотря на беды, принесенные черными книгами, добро все равно побеждает. Земля исцеляется от боли, а жизнь продолжается. Аллею украсили лавочками, вернули на место питьевые фонтанчики, и постепенно она вновь стала любимым местом гуляния горожан.

Луна задумалась.

«Почему Эссантия решила провести поединки именно сейчас? Может, потому что они так и не состоялись? Гиацинт напал на Драгомир, и всем стало не до них... Но участники честно прошли отбор. Их имена уже попали в заветную шкатулку. Видимо, Эссантия решила восстановить справедливость».

¹ Глициния – древовидная лиана с длинными гроздьями сиреневых и фиолетовых душистых цветов.

И тут Луна, словно очнувшись, побежала во дворец. Нужно успеть привести себя в порядок. С Сардером сейчас приедет Эгириин, за Варисцитом увяжется Кианит, а Аметрин, скорей всего, уже на подъезде ко дворцу – он уже несколько месяцев каждый день начинает с того, что наспех завтракает и торопится в Манибион.

Луна тяжело вздохнула. Неожиданно Аметрин стал для нее проблемой номер один. Как бы странно это ни звучало. Дело в том, что после исцеления в его волосах появилась серебряная прядь. Не седая, как у целителей раньше, а именно серебряная, похожая на серебристые пряди в белоснежных волосах самой Луны.

Аметрин был благодарен целителям, которые вытащили его из мира забвения. Но когда он увидел прядь, то решил, что основная заслуга в его спасении принадлежит Луне. Целители полагали, что прядь появилась из-за перенесенного шока. Не каждый день узнаешь о том, что твой отец предатель, и не каждый день его ближайший помощник пытается тебя убить. Да еще и так подло, исподтишка, со спины, отказавшись сражаться как настоящий воин. Появление светлой пряди – это самое меньшее из того, как организм Аметрина мог отреагировать на стресс. Так считали целители, но Аметрин ничего не желал слушать. Он решил, что теперь в неоплатном долгу перед Луной.

Когда настало время, Аметрин, как и другие выпускники, спустился к источнику своего петрамиума Игнису, чтобы тот помог ему выбрать дальнейший путь. Услышав, что его предназначение – защита других, Аметрин понял это по-своему и решил вместо блестящей военной карьеры стать личным телохранителем той, что спасла ему жизнь.

С тех пор каждое утро Луны начиналось с его хмурой физиономии. Он встречал ее из спальни, чтобы проводить к завтраку. И затем до поздней ночи ходил за ней как привязанный. Лишь когда Луна находилась на занятиях, он посвящал это время себе, усиленно тренируясь на заднем дворе школы. Луна не знала, что с этим делать. Попытавшись поговорить с Аметрином, она наткнулась на глухую стену непонимания.

– Луна! Ты ведешь себя неразумно, – нравоучительно сказал он. – Ты хоть понимаешь, насколько ты ценна для Драгомира? Пока не найден способ уничтожения черных книг, ты в опасности.

– Но, Аметрин, – горячилась девушка, – книги в Валоремии, под присмотром Эссантии. Мне ничего не угрожает, пока они там. Благодаря охранному заклинанию правителей без их ведома никто не сможет вынести книги наружу. Так что никакой опасности нет.

– Это ты так думаешь, – безапелляционно говорил он. – Беда может прийти, откуда ее совсем не ждешь. Никому нельзя доверять. Если ты попадешь под чары книг, я даже не представляю, что ждет наш мир. Его попросту может не стать. Совсем.

Здесь Луна терялась. Перед мысленным взором сразу появлялся Гиацинт. Верный друг и соратник самого Гелиодора, столько лет занимавший должность военного викариума, отвечающего за безопасность всех жителей Драгомира. Кто бы мог подумать, что он все это время вел двойную жизнь, пряча под маской преданного воина истинное лицо предателя, душой которого давно завладели злость, зависть и ненависть. В этом Аметрин действительно прав. Доверять никому нельзя. Кто знает, на что способны черные книги, даже под охраной могущественной Эссантии.

Не зная, что сказать, она заканчивала разговор и списывала все странности в поведении Аметрина на шок. Все-таки ему было непросто. Пережил предательство отца, а вскоре и вовсе потерял его. Луна с друзьями пытались разделить с ним его горе, помочь справиться с потерей и разочарованием. Но Аметрин закрылся, словно раковина, плотно сомкнувшая створки. Никто не мог пробиться через них. Даже Эгириин, чья беда была близка трагедии Аметрина. Надеюсь, что это пройдет само собой, Луна молча терпела, но дни шли и ничего не менялось. Каждое утро, открыв дверь спальни, она неизменно натыкалась на серьезного Аметрина, подпиравшего стену.

Не выдержав, Луна обратилась за помощью к отцу. Но и тот не смог переубедить юношу, который всем сердцем желал того же, что и сам правитель, – чтобы Луна была в безопасности. Поэтому Александрит попросил дочь потерпеть, уверяя, что Аметрин придет в себя и все образуется.

«Образуется, как же», – подумала Луна и снова вздохнула.

На крыльце уже маячил грозный Аметрин, хмуривший брови. Луна скосила глаза на дурацкие тапочки и носки с сердечками и махнула на все это безобразие рукой. Нацепив широкую улыбку, она поспешно подошла к Аметрину и как можно сердечнее поздоровалась с ним:

– Привет.

– Ты почему вышла из комнаты без меня? – вместо приветствия набросился он на девушку.

– Аметрин! Ты же видел, что творилось в Драгомире? Все побежали на улицу, чтобы посмотреть.

– Это в высшей степени неразумно, – повторил свою излюбленную фразу самопровозглашенный охранник. – Ты же понимаешь, что это могло оказаться ловушкой. А для черных книг, особенно после того как они узнали твою силу, ты сейчас самый желанный проводник.

– Но ведь все обошлось, правда же? – ответила Луна, изо всех сил стараясь не злиться. – Кстати, как тебе новость о поединках? Что думаешь по этому поводу?

– Я думаю, что со стороны Эссантии проводить поединки сейчас неразумно.

При слове «неразумно» Луна скрипнула зубами, подумав, что если еще раз услышит его, то точно взорвется. Втайне она надеялась, что Аметрин займется поединками и отстанет от нее, как бы грубо это ни звучало.

Луна посмотрела на друга и вдруг словно впервые увидела его. Ничто в его облике не напоминало того Аметрина, которого она знала и любила. Нет, конечно же, это он, тот самый Аметрин, только сейчас он стал слишком правильным. Чересчур. В нем все сейчас было чересчур. Чересчур накрахмаленная форменная рубашка, застегнутая на все пуговицы под самое горло. Чересчур аккуратный, подогнанный по фигуре форменный пиджак, отпаренный так, что на нем не было ни единой складки. Черные брюки с чересчур ровными стрелками, отутюженными так сильно, что можно о них порезаться. Чересчур начищенные ботинки, которые хранительница Аметрина Лисса теперь могла использовать вместо зеркала. Чересчур правильная прическа, где каждый волосок подчинялся строгой военной дисциплине и не смел лежать в неправильном направлении. Луне даже показалось, что если Аметрин вдруг делает резкое движение, то захрустит, словно смятая бумага. Дополняли образ чересчур прямая осанка и чересчур серьезное лицо с упрямо сжатыми губами и необычайно печальными глазами. Девушка попыталась вспомнить, когда Аметрин последний раз смеялся. И, к своему ужасу, поняла, что это было еще в те времена, когда они не знали о предательстве Гиацинта... У Луны сжалось сердце.

«Надо с этим что-то делать», – с тревогой подумала она и тоскливо вздохнула.

Привести Аметрина в нормальное состояние могла только ее задушевная подруга Сентария. Подруга, которая начала избегать ее и практически не появлялась в Манибионе, прикрываясь сложнейшими заданиями и нагрузкой в школе. Как-никак, она училась в выпускном классе, а время летело с устрашающей скоростью. Не успели оглянуться, как впереди замаячили экзамены, к которым Сентария уже начала готовиться. Луна принимала ее объяснения, но в глубине души знала, что причина вовсе не в этом. Решение Аметрина посвятить жизнь Луне не могло не задеть чувств Сентарии. Сначала она старалась не замечать Аметрина, постоянно следующего за ее подругой. Он, конечно же, соблюдал дистанцию и не встречал в девчачьи разговоры, но само его присутствие омрачало лицо Сентарии, и Луна не знала, как ей помочь. Из-за этого с их дружбой стало происходить что-то странное. Нет, все было по-прежнему: бесконечная болтовня, дружеское участие, тепло, – но... Куда-то делось то доверие, пол-

ное и безграничное, которое раньше было между ними. Сентария закрыла тему с Аметрином раз и навсегда и не разрешала Луне говорить о нем.

«Эта страница перевернута и забыта», – уверенно заявила она.

Но Луна видела, какой болью наполняются глаза подруги, когда в поле зрения появляется Аметрин...

А потом Сентария начала избегать ее.

Поэтому, невзирая на то что вокруг Луны всегда крутилось много людей, она была одинока. Ей не хватало прежней душевной близости, шуток, взаимопонимания. Сентария с каждым днем все больше отдалялась. Во время их редких встреч Луна, как дурочка, болтала без умолку, боясь, что, если она замолчит, Сентария встанет и уйдет, сославшись на неотложные дела. Теперь они никогда не погружались в то уютное молчание, когда можно было просто, вытянувшись на траве, глядеть на небо и мечтать – ну или вообще ни о чем не думать, наслаждаясь тишиной и покоем. Трещина между ними с каждым днем становилась все глубже. Луна глубоко горевала и не знала, что делать. А причина всему – болван Аметрин, который никак не мог понять простую вещь: что никому, в том числе и самой Луне, не нужны его самопожертвование и вечный пост возле нее.

Все эти мысли вихрем пролетели в голове Луны, пока она шла по коридору в комнату, стараясь не обращать внимания на Аметрина, идущего за ней. Что бы там ни было, сейчас придет Эгирин, с которым все складывалось еще сложнее, чем с Сентарией, так сложно, что Луна боялась даже думать на эту тему. Упрямо вскинув подбородок, она вбежала в комнату, чтобы привести себя в порядок к приезду друзей и снять эти дурацкие тапочки и носки с сердечками.

2

Через час в Манибионе стало шумно. Как Луна и предполагала, собрались все. Даже Виолана прилетела вместе с Криолиной. Как один из претендентов на участие в поединках, она не смогла оставаться в стороне.

Правители все как один недоумевали. По дороге в Валоремию, куда они полетели, воспользовавшись лунфилетом, вопросам не было конца.

– Ну скажите, какие могут быть поединки, когда черные книги до сих пор лежат в Валоремии? – воскликнул Варисцит.

– Я тоже ничего не понимаю, – добавил Сардер, озабоченно хмуря лоб. – Тем более наши выпускники уже и не выпускники вовсе.

Если честно, Сардер втайне радовался, что поединки так и не состоялись. Он переживал за внука и никак не мог запретить себе это делать.

– Не слишком ли наша Эссантия легкомысленна? – добавила Криолина.

В этот момент лунфилет ошутимо трянуло, да так, что у правителей клацнули зубы, а Александрит чуть не выпустил из рук штурвал. Криолина, подняв руки вверх, смущенно улыбнулась.

– Ну не злись, – извиняющимся тоном проговорила она. – Беру свои слова обратно.

Далее летели молча. Что ни говори, а в Драгомире осуждать Эссантию вслух не мог себе позволить никто, даже правители.

Но это не меняло сути дела. Книги по-прежнему лежали в сокровищнице, и правители не знали, как их уничтожить. За это время они уже предприняли несколько попыток, которые закончились полным провалом. Каждый правитель, придя в Валоремию, пробовал взять в руки книгу с обсидианом, но ее голос... Голос сразу сводил с ума... Минут через пять у правителя, державшего книгу, на лице появлялось глуповатое выражение и остальные кидались на помощь, вытаскивая друга из омута тьмы. Испытав на себе манящую силу книг, все они усомнились в своем могуществе и потеряли покой. В таком состоянии правителям точно было не до поединков.

Итак, правители опять отправились в Валоремию, а Луна тем временем осталась с друзьями. Увидев Эгирина, она почувствовала, как сердце привычно зашло в груди, тяжело ухнув и учащенно забившись. С ним приехал Стефан, который в качестве основного места для проживания выбрал Манибион, но иногда гостил в других петрамиумах, чтобы лучше понять образ жизни драгомирцев. Он вполне серьезно собирался написать книгу о Драгомире, выдав все за волшебную сказку. Правители были не против, и каждый житель считал своим долгом помочь юноше в сборе материала. Они охотно делились с ним воспоминаниями, легендами, показывали дома, отвечали на вопросы. Все уже так привыкли к тому, что его растрепанная голова и пухлый блокнот, грозивший вот-вот лопнуть, появляются в самых неожиданных местах, что никто не удивлялся при виде юноши.

– Привет, Луна! – Стефан не церемонясь растолкал гостей и крепко обнял девушку, немного приподняв над полом. – Как тебе утреннее зрелище? Даже не знаю, как я теперь смогу смотреть на земные фейерверки, они будут казаться блеклыми и скучными.

– Да, – согласилась Луна, украдкой поглядывая на Эгирина, который подошел вслед за Стефаном, – Эссантия умеет удивлять.

– Да не то слово, – хохотнул Стефан и от души хлопнул по плечу Аметрина.

Тот, скривившись, сдержанно пожал ему руку Стефан, ни капли не смутившись, скорчил в ответ рожу, означавшую «фу ты ну ты, какие мы важные».

– Покажи кольцо, – попросил он. – Эгирин сказал, что у тебя тоже должно быть кольцо участника поединков.

Аметрин неохотно протянул руку, на которую Эссантия надела кольцо на церемонии оглашения. Кольцо сидело как влитое и исчезало только после поединков. Снять его раньше срока было невозможно, как ни старайся. Аметрин знал это точно, ведь после гибели Гиацинта он не раз пытался избавиться от кольца, напоминавшего о предательстве отца, который хотел помешать сыну участвовать в поединках.

Стефан, ничего не знавший о терзаниях юноши, достал блокнот и схематически перерисовал кольцо Аметрина для будущей книги. Луна, заглянув ему через плечо, удивилась.

– Ты умеешь рисовать? – воскликнула она, по достоинству оценив эскиз.

– Ты не представляешь, сколько я всего умею, – игриво ответил Стефан, вызвав еле заметную гримасу на лице Эгирина.

Луна, перехватив его взгляд, поспешила поздороваться.

– Привет, – тихо сказала она.

– Привет, – ответил Эгирин и сразу же заговорил о чем-то с Аметрином.

Девушка вздохнула и, пожав плечами, пошла разыскивать Виолану, которая смешалась со стайкой прелестных помощниц Криволины. К ее огорчению, Аметрин последовал за ней, резко оборвав разговор с Эгирином, у которого тут же вытянулось лицо. Так же, как и в ситуации с Сентарией, Луна ничего не могла с этим поделать. Эгирин, видя повышенное внимание Аметрина к ней, сделал какие-то выводы и начал сторониться ее, хотя она пыталась наладить прежнее общение. В итоге виделись они только на занятиях в школе целителей.

Луна едва успела добраться до Виоланы, как правители вернулись. В центр зала вышел Александрит, держа в руках большую шкатулку, знакомую всем после выпускных экзаменов. Присутствующие мгновенно замолчали и затаили дыхание, не сводя глаз с магической шкатулки Эссантии, которая сияла всеми гранями драгоценных камней, украшавших ее крышку. Александрит водрузил шкатулку на изящную подставку, и она с мелодичным звуком открылась, озарив присутствующих ослепительными лучами. В воздух поднялся сверкающий шар, который правитель осторожно взял обеими руками. Шар исчез, оставив после себя легкую дымку золотистой пыли, и в руках Александрита появился свиток. Все замерли. Некоторые даже привстали на цыпочки, с завистью поглядывая на кристаллианцев, которые взлетели повыше, чтобы было лучше видно.

Сломав золотую печать, Александрит обвел присутствующих внимательным взглядом и начал читать:

«Приветствую вас, мои дорогие драгомирцы! И благодарю за то, что вы сделали, избавив дорогой моему сердцу мир от врагов. Я надеюсь, что впредь мы будем жить только в согласии и радости. Прошло много времени, и, к моему счастью, все спокойно. Поэтому я решила восстановить справедливость!

Мои избранные участники поединков! Через два дня я вас жду на поле у портала с вашим домашним заданием. Продемонстрируйте мне свои изобретения. Пусть откроются новые грани ваших талантов!»

Александрит растерянно свернул свиток и еще раз обвел взглядом собравшихся.

– Далее идут пояснения для нас, что нужно подготовить: трибуны, сцена и так далее... – он замолчал, собираясь с мыслями. – Ну что же. Мы знаем, что Эссантия справедлива. И правда, почему наши претенденты, получив кольцо, лишились возможности участвовать в поединках? Поэтому... Что стоим? Готовимся, готовимся! – воскликнул он. – У вас всего два дня!

Ответом ему была тишина. Девять претендентов смотрели на него и, кажется, даже забыли о том, что нужно дышать.

– Ну! – прикрикнул на них Гелиодор. – Вы еще здесь? Шагом марш готовиться. Времени в обрез, угли мне в печенку!

Бывшие выпускники, а ныне уже взрослые и самостоятельные люди совсем по-детски зачесали затылки и начали растерянно расходиться.

– Ура! – вдруг раздался вопль.

Все оглянулись и увидели забравшихся на подоконник Пиритти с Пироппо.

– Через два дня начнутся поединки! – прокричали те людям, толпившимся у дворца.

– Ура! – донеслось снаружи.

Весть о возобновлении поединков понеслась по Драгомиру и вскоре достигла даже самых укромных уголков.

* * *

Никто из собравшихся не увидел, как из-под крышки шкатулки выскользнул едва заметный черный завиток, не толще волоса, и сразу же юркнул в густую тень на полу. Прижимаясь к стене, он быстро долетел до окна и, улучив момент, скользя наружу. Смешавшись с тенью кустов, он миновал сад и, немного покрутившись в воздухе, храбро ринулся вниз, спрыгнув прямо с гигантских ладоней в пропасть. Долетев до бездны, завиток легко ввинтился в бело-снежную дымку, пройдя через нее, как нож сквозь масло, ушел на глубину и бесследно пропал. Безмятежный густой туман, столько лет охранявший бездну, даже не шелохнулся. Ничто не нарушило тишину, стоявшую вокруг.

Тем временем наверху, во дворце, Пиритти и Пироппо продолжали горланить, не обращая внимания на Аметрина, который остолбенел от их выходки. Шутка ли – ворваться на совет. И как! Через окно... Младшие братья, в отличие от него самого, уже оправились от пережитого и вернулись к проделкам.

Сейчас они спрыгнули с подоконника, налетели на Аметрина и, обняв его, радостно заколотили руками по спине. Юноша стряхнул их с себя и, ухватив обоих за шиворот, уже собрался сделать им внушение, как вмешался Гелиодор.

– Аметрин! – воскликнул он. – Не ругай их. Они получили разрешение на... кхм-кхм... подслушивание. Я сам им разрешил с утра. Так что все честно.

Аметрин отпустил братьев и по-военному вытянулся перед Гелиодором.

– Господин главнокомандующий, разрешите обратиться, – чеканя каждое слово, сказал он.

– Говори, – добродушно разрешил Гелиодор, с любовью поглядывая на двух рыжих мальчуганов.

Вырвавшись из сильных рук брата, они сделали несколько акробатических трюков, напугав стайку воздушных девушек, и побежали на улицу, продолжая испускать радостные вопли.

– Я не могу принимать участие в поединках, – твердо сказал Аметрин.

В глазах Луны разлилось отчаяние.

– Что значит – не можешь? – опешил Гелиодор.

– Ну как же, – заторопился Аметрин. – Я должен охранять Луну.

– Э-э-э... – пробасил Гелиодор, кинув взгляд на Луну, которая за спиной Аметрина разыграла целую пантомиму.

Сначала она молитвенно сложила руки, затем показала на Аметрина, на себя и страдальчески закатила глаза.

– А в чем проблема? – спросила, подходя к ним, Анита.

Гелиодор сразу же обмяк, и глупая улыбка расплзлась по лицу. Он нежно приобнял жену и еле удержался, чтобы не закопать носом в ее макушку, как любил делать, когда они были наедине. Анита легко рассмеялась и тихонько отодвинулась. Все-таки у них не домашний вечер в кругу семьи, а государственный совет, какие тут нежности? Гелиодор засуетился,

одновременно предлагая стул, кресло, диван и кушетку на выбор, чтобы Анита могла присесть. Она вновь просияла чудесной улыбкой, которая озарила ее лицо, и шутливо проворчала:

– Дорогой, ну сколько можно повторять, я не больна!

Гелиодор отмахнулся, продолжая подталкивать ее к глубокому креслу.

– Я всего лишь жду малыша и прекрасно себя чувствую, – сопротивлялась Анита. – Можно мне хоть немного походить? Иначе я превращусь в самую настоящую бочку.

Да, случилось чудо. Анита и Гелиодор готовились стать родителями. Через полгода крохотный целитель или целительница должны были появиться на свет, и весь Драгомир затаил дыхание. Такое событие невозможно удержать в тайне. Ведь их малыш должен был стать первым ребенком, рожденным после проклятия. Поэтому к Аните было приковано пристальное внимание, что утомляло и раздражало будущую мать. Хотя счастье перекрывало все остальное, и Анита буквально светила изнутри.

Гелиодор, поняв, что жена не желает садиться, сначала растерялся, но вскоре уже бросился к столику с напитками и водрузил на поднос все, что там стояло.

– Ну вот, – улыбнулась Анита, – сейчас он будет поить меня полезными, а главное, вкусными напитками.

– Дорогая, посмотри, сколько полезных, а главное, вкусных напитков я тебе принес. Какой ты будешь?

Анита страдальчески закатила глаза. Аметрин и Луна, на мгновение забыв о своих делах, с умилением любовались этой трогательной парой.

– Так что за проблема у вас? – повторила вопрос Анита.

– Аметрин не хочет участвовать в поединках, так как считает, что не может ни на минуту оставить меня, – выпалила Луна, стараясь не выдать обиду, но голос все равно предательски дрогнул, и девушка судорожно вздохнула.

Анита, тонко чувствующая настроение племянницы, пылливо взглянула на нее и решила обязательно поговорить наедине. Ей не понравился этот надлом в голосе, да и затаенная боль в глазах. После свадьбы Анита перебралась в Гарнетус, и Гелиодор не разрешал ей никуда ездить без него, поэтому они редко виделись с Луной. Однако сейчас Анита внутренним чутьем сразу поняла, что за негодованием кроется не только обида на назойливую охрану, но и что-то еще. Все эти мысли мгновенно промелькнули в ее голове, и Анита, очаровательно улыбаясь, задала вопрос, который боялись задать все остальные.

– Вот еще придумал! – фыркнула она. – Аметрин, мальчик мой, неужели ты думаешь, что мы не в силах обеспечить безопасность Луны?

Аметрин на мгновение ступешался. Он попал в сложную ситуацию. Не мог же он сказать «да» при Гелиодоре, которого любил и уважал, – ведь это означало бы, что он сомневается в способностях главнокомандующего, отвечающего за общую безопасность в Драгомире. Поэтому Аметрин невнятно промямлил:

– Ну конечно нет.

– Так в чем же тогда дело? – преувеличенно громко воскликнула Анита. – Значит, как говорит мой муж, шагом марш готовиться к поединкам! Даже не шагом, а бегом! А уж за Луной мы как-нибудь присмотрим.

– Как? – растерялся Аметрин. – Прямо вот так взять и уйти?

– Не просто уйти, а очень быстро, ведь у вас всего два дня, – заторопила Анита.

Аметрин кинул умоляющий взгляд на Луну, безмолвно прося ее вмешаться, но та только поддакнула:

– Конечно беги, я буду за тебя болеть.

Аметрину ничего не оставалось, как выйти из зала.

– Анита, – выдохнула Луна, – спасибо тебе. Ты не представляешь, что сейчас для меня сделала. Как будто с моих плеч только что упала каменная глыба, которую я ношу уже столько месяцев!

Гелиодор ничего не сказал, лишь с любовью посмотрел на жену.

– Не стоит благодарности, – пропела довольная Анита. – А теперь пойдём-ка поболтаем о своем, о девичьем, – многозначительно добавила она, увидев, что Гелиодор тут же шагнул вслед за ними.

Взяв Луну за руку, она, словно корабль, уверенно лавируя между людьми, вывела ее из переполненного зала. Поднявшись в комнату девушки, они устроились на кровати, устланной белоснежным покрывалом.

– Ну, рассказывай, – начала Анита, не сводя с племянницы внимательных глаз. – Что случилось?

Луна помолчала, собираясь с мыслями, но неподдельное участие Аниты заставило так долго сдерживаемую обиду выйти наружу.

– Это все Аметрин, – затараторила она, – представляешь, из-за этой серебряной пряди в волосах он считает, что теперь должен быть рядом со мной до конца жизни. А мне что с этим делать? Я же шагу ступить не могу. Сентария со мной практически не разговаривает. Эгирин только здороваются, и все. Я даже не могу съездить к ним в гости, потому что за моей спиной всегда он.

– Но ведь вы были так дружны и все равно повсюду ходили вчетвером. Почему сейчас нельзя так же? – спросила Анита, пораженная отчаянием девушки.

– Да, ходили. Но условно мы делились на пары. Я как бы с Эгирином, а Сентария с Аметрином. По крайней мере, мы так думали. Ну, мне нравится Эгирин, а ей – Аметрин, и мы думали, что наши симпатии взаимны, – смутившись, пробормотала Луна.

– А теперь Аметрин полностью сосредоточился на тебе и не видит Сентарию?

– Не то слово! Она будто перестала для него существовать. Все наши встречи начали напоминать прогулки строгого родителя с неразумным ребенком. «Луна, осторожней, здесь скользко. Луна, аккуратнo, эти ступеньки высокие. Луна, не садись здесь, скамейка неустойчивая». Сентария долго мирилась с этим, но, знаешь... Я бы тоже не выдержала, если бы меня перестал замечать человек, в которого я тайно влюблена... – в голосе Луны послышались еле сдерживаемые слезы. – Я даже не могу с ней поговорить, он не оставляет нас наедине... Ну то есть, конечно, оставляет. Но это выглядит так: мы с Сентарией на одной лавочке, а он на другой. Как мы можем обсудить нашу проблему, когда вот она, прямо перед носом?

– Но почему ты нам ничего не рассказала? – воскликнула Анита.

– Я говорила папе, чтобы он объяснил ему, что я не нуждаюсь в такой защите. Но папа попросил потерпеть, сказав, что у Аметрина такая реакция на стресс. Забота о моей безопасности помогает ему не думать о погибшем отце и его предательстве.

– Ясно. Мы с Гелиодором обсуждали эту проблему и тоже решили дать мальчику время. Но, оказывается, ты тоже страдаешь. Мы-то думали, для тебя ничего не изменилось. Как гуляли все вместе, так и гуляете. А тут и Эгирин тоже, наверное, страдает, – она вопросительно взглянула на племянницу.

– Он отвернулся от меня еще раньше Сентарии, – с обидой откликнулась Луна. – Несколько раз пытался подать мне руку, чтобы помочь спуститься по лестнице, но Аметрин всегда опережал его и быстро дал понять, что это его привилегия. И Эгирин перестал с нами куда-либо ходить. А затем и Сентария. Сейчас они прикрываются миллионом неотложных дел, чтобы не общаться со мной, и я осталась совсем одна...

– Нет, – решительно сказала Анита. – Так не годится. Сейчас мы займем Аметрина поединками, а там если проблема не решится сама, то Гелиодор с ним поговорит. Обещаю! Мы

же не знали... И к тому же были заняты назначением нового старейшины, поэтому я совсем выпустила тебя из виду, но уж теперь ты от меня не отделаешься, – шутливо пригрозила она.

Луна глубоко вздохнула, вспомнив шумного, несдержанного Андалузита – погибшего старейшину Гарнетуса. Уж он-то не стал бы церемониться и быстро объяснил Аметрину, как себя вести. Деликатностью Андалузит никогда не отличался. На его место выбрали Гессонита², гораздо более спокойного и покладистого. Он легко вписался в тесный круг старейшин благодаря своему характеру Гессонит оказался выдающимся шутником, что никак не вязалось с его сдержанной манерой поведения. Несмотря на возраст, в нем все еще жил сорванец, который обожал подначивать всех вокруг и делал это с таким невозмутимым видом, что окружающие заходились в громовом хохоте. Старейшинам было тяжело пережить потерю Андалузита, и этот смех помогал им выплескивать боль, что скопилась внутри.

Анита между тем встала с кровати и потащила за собой Луну:

– А сейчас собирайся, бери Джемму, а то она уже застоялась в стойле, – и вперед, в Смарагдиус, навстречу свободе.

– Что-то мне даже страшновато, – призналась Луна. – Как Сентария меня встретит...

– С радостью, вот увидишь! Если что, зови меня, я быстро наведу порядок. Меня никто не смеет слушаться.

– Это точно, – улыбаясь сквозь слезы, проговорила благодарная Луна.

Невольно заразившись энтузиазмом тети, девушка предупредила родителей о своем отъезде и заторопилась на конюшню. Фиччик, малость отяжелевший от спокойной жизни, лениво тащился за ней и ныл:

– Нам обязательно ехать в этот далекий Смарагдиус? Может, Сентария сама приедет? Я только что поел, и меня может укачать в дороге.

– Ничего страшного, – безапелляционно заявила Луна. – Зато немного растрясешь жирок с боков.

– Это у кого жирок? У меня? Как ты несправедлива! Я молодой и растущий организм, находящийся в самой лучшей форме. Да я... Да я... Да я, если хочешь, прямо сейчас превращусь в Лунфича и быстрее ветра доставлю тебя в Смарагдиус, – выпалил хранитель и тут же прикусил язык.

Если честно, ему совсем не хотелось превращаться в Лунфича и тем более куда-то лететь. Это же надо махать крыльями, да еще и тащить на себе подопечную, и все это после такого плотного завтрака. Уж лучше он сладко поспит в сумке в образе Фиччика.

– Правда?! – обрадовалась Луна и взглянула на него с такой надеждой и благодарностью, что Фиччик понял: дела его плохи. – Я видела, сколько ты слопал за столом, и не стала тебя просить. После такого пиршества, наверное, тяжело куда-то лететь.

«Еще бы!» – подумал Фиччик и немного воспрянул духом.

Луна самая чуткая и понимающая подопечная во всем Драгомире. Конечно же, она поймет, что объевшийся Фиччик и Лунфич – это два несовместимых понятия.

– Но раз ты сам предлагаешь, – продолжала между тем «чуткая и понимающая», – то я не откажусь!

Луна побежала по ступеням еще быстрее, торопясь спуститься на ровную площадку, чтобы Фиччик мог перевоплотиться.

Хранитель, мгновенно похоронивший все надежды на сладкий сон, совсем поник.

– Спасибо тебе, Фиччик, миленький, так я увижу Сентарию еще раньше, а я ужасно соскучилась.

Фиччик горько вздохнул и, подволакивая крылья, поспешил за Луной.

«Язык мой – враг мой», – философски думал он.

² Гессонит – разновидность граната медово-желтого и оранжевого цвета.

Потом ему пришла в голову блестящая идея.

– А как же Джемма? – вскричал Фиччик. – Она столько времени стоит в конюшне, ей просто необходимо размяться. Она обидится, когда узнает, что мы отправились в Смарагдиус без нее!

– Ничего, – отмахнулась Луна, – Джемма все поймет. Ну давай, мой хороший, превращайся скорей, и полетели.

Фиччик вздохнул еще тяжелее и, проклиная две последние булочки, которые не зря показали ему лишними, тихо прошептал: «Лунфич».

Тут же по телу пробежала уже ставшая привычной горячая волна, и огромный Лунфич предстал перед подопечной. Луна, не теряя ни секунды, взобралась на его спину. Лунфич громко икнул. Птицы, облюбовавшие глицинии, что росли в бывшей цветочной арке, возмущенно крича, слетели с гнезд. Но Лунфич не обратил на них никакого внимания, он взмахнул крыльями и взлетел, взяв курс на запад, в обожаемый Луной Смарагдиус.

Летя вдоль зеленой дороги, Луна увидела Эгирина, возвращавшегося домой на изумрудном коне. Он был совсем один, даже без обычного сопровождения. Повинуясь интуиции, девушка прошептала Лунфичу на ухо:

– Смотри! Там, внизу, Эгирин. Давай спустимся. Я попробую с ним поговорить.

Лунфич качнул головой в знак согласия и стал кругами снижаться. Эгирин, увидев его тень, поднял голову и остановил лошадь, наблюдая за тем, как отяжелевший хранитель не совсем изящно приземляется на небольшой полянке. Едва дождавшись, когда Луна слезет с его спины, он немедленно превратился в Фиччика и с глубоким вздохом облегчения растянулся на мягкой траве животом вверх. Коварная Чиру тут же затанцевала вокруг, периодически тыкая его кулачком в бок. Но хранитель не поддавался на провокации и лишь слабо похрюкивал в ответ. Булочки требовали немедленного отдыха, чтобы начать процесс пищеварения.

– Что-то случилось? – встревоженно спросил Эгирин. – Что-то с дедом и тебя послали за мной?

Луна мысленно отругала себя, поняв, что ее появление выглядело несколько странным и напугало Эгирина.

– Нет, нет, что ты, – поспешила она успокоить его. – Я лену в Смарагдиус к Сентарии.

– Одна? – изумился Эгирин.

– Да! Анита освободила меня. Всего лишь несколькими словами поставила Аметрина на место.

– Интересно, как она умудрилась это сделать?

– Все просто. – Луна кратко пересказала их разговор и тут же без всякого перехода добавила: – Ты обижаешься на меня?

– За что? – удивился Эгирин. – За твое неожиданное появление? Ну что ты. Совсем нет.

– Я не об этом. Я имею в виду, из-за Аметрина, – неловко пробормотала девушка, чувствуя, как краска смущения начинает заливать ее щеки.

– Смотри, там кто-то едет, – вместо ответа пробормотал Эгирин и приставил руку ко лбу, чтобы лучше разглядеть.

Луна обернулась. Действительно, в их сторону кто-то несся на приличной скорости, поднимая клубы пыли.

– Интересно, кто это так спешит? – удивилась девушка.

– Я, кажется, знаю кто, – грустно ответил Эгирин. – Вот и твоя персональная охрана подросла... А ты сказала, что одна...

– Но я действительно была одна, – пробормотала девушка. – Он должен был уехать к себе в Гарнетус и готовиться к поединкам...

– Ну-ну...

Луна хотела запальчиво возразить, чувствуя, как слезы навернулись ей на глаза, но не успела: перед ними остановился огненный конь, на котором восседал раскрасневшийся Аметрин.

– Не успел я уйти, как ты начала совершать неразумные поступки. Ну как же так, Луна? – налетел он на нее. – Хорошо, что я задержался на конюшне и не уехал сразу.

Луна едва сдержалась, чтобы не затопать ногами, вновь услышав ненавистное слово «неразумно», но не успела ничего сказать, как Эгирин встал между ними.

– Может, она сама будет решать, когда и куда ей ехать?

– Что значит сама? Она не может разъезжать одна! Книги еще не уничтожены, а значит, рано или поздно попытаются напасть.

– Как? Из Валоремии? О чем ты говоришь, Аметрин? Оттуда нет выхода!

– Так уж и нет?! Никто не знает наверняка.

– Если бы книги могли, то мы бы о них уже услышали. Никакой опасности нет. Хранитель мертв, проводник мертв. Некому им помогать.

– Эгирин, ты заблуждаешься, – тоном старшего брата возразил Аметрин. – Пока жив источник зла, обязательно найдется и исполнитель. Уж кто-кто, а ты должен бы понимать такие очевидные вещи.

Он вновь обернулся к Луне:

– Ты куда собралась? К Сентарии?

Не доверяя голосу, Луна кивнула.

– Тогда садись со мной, я тебя отвезу.

– А может, она не хочет с тобой? – вновь вмешался Эгирин. – Может, хочет побыть одна, без тебя?

– Что значит без меня? А чем я ей мешаю? Ведь я же хочу помочь, – искренне удивился Аметрин.

Эгирин лишь развел руками.

– Друг, тебе нужно взглянуть на все это ее глазами. Ты не прав.

– Не вижу никакой проблемы, – ответил Аметрин. – Я всего лишь беспокоюсь о ней, в отличие от тебя.

– Ну знаешь ли! – воскликнул Эгирин.

Тяжело дыша, они близко подошли друг к другу, в глазах полыхнула ярость. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Так, тихо! – прикрикнула Луна, вставая между ними. – Успокоились! Живо! Не надо мне уже никуда. Я возвращаюсь домой. Фиччик, полетели.

Фиччик, видя такой накал страстей, даже не стал ныть, а беспрекословно превратился в Лунфича. И едва Луна взобралась к нему на спину тут же взлетел, обдав юношей ветром с песком, поднятым с земли. Аметрин, не говоря ни слова, вскочил в седло и поспешил за Лунфичем. Эгирин молча смотрел им вслед.

Луна глотала слезы. Обида так и клокотала в груди. Она не знала, что с этим делать. Как пробиться через глухую стену непонимания? Теперь ясно: даже участие в поединках не помешает Аметрину душить ее заботой и контролировать каждый шаг. Он просто перенесет всю подготовку в Манибион, чтобы не спускать с Луны глаз. Ее поспешный отъезд к Сентарии был ошибкой. Стоило сначала убедиться, что Аметрин уехал. Но что теперь... Уже ничего не изменить. Луна плакала, а ветер ласково сушил ее слезы. Прилетев домой, она спрыгнула с Лунфича и закрылась в комнате, не выйдя даже к ужину, из-за чего Фиччик впал в еще большее уныние, чем его подопечная. Но, понимая ее настроение, молча грустил вместе с ней.

3

– Луна, немедленно открой, – чья-то рука уверенно постучала в дверь.

«Меня нет», – мрачно подумала девушка и промолчала в надежде, что Стефан, а это был именно он, решит, что она спит, и уйдет.

– Луна, я знаю, что ты не спишь, открывай!

«Вот еще», – так же молча ответила девушка.

– Если ты сейчас же не откроешь, я позову твоих родителей.

Это была уже весьма серьезная угроза. Луна, все так же не проронив ни слова, встала с кровати и поплелась к двери. Стефан, когда хотел, мог быть настойчивым, и отвязаться от него было даже сложнее, чем от Аметрина.

Пользуясь тем, что правители разрешили ему изучать материалы, он теперь крутился повсюду и усердно собирал информацию. Стефан настолько загорелся идеей написать книгу о Драгомире, что забрасывал всех миллионами вопросов, даже тех, кто не особо желал отвечать. Проведя более полугодом в Драгомире, он совсем освоился и перестал робеть.

Впустив Стефана, Луна невольно улыбнулась, поскольку ее незадачливый друг, торопясь войти в комнату, тут же споткнулся о ковер и чуть не растянулся на полу.

– Я думал, ты грустишь, и пришел тебя развеселить, а ты улыбаешься. Значит, все в порядке? – спросил он.

– Я вспомнила твои первые дни в Драгомире, – вновь улыбнулась Луна и даже, к своему удивлению, чуть не рассмеялась.

И было отчего. Курьезные случаи следовали за Стефаном по пятам. На какое-то время он даже стал главным героем местных анекдотов, вытеснив с этого почетного места Фиччика и Пиритти с Пироппо.

После того как правители узнали, что Стефан сделал для Драгомира, каждый из них захотел пригласить его к себе во дворец. Но Стефан, оробевший от такого пристального внимания и свалившихся на его голову чудес, ходил за Луной как привязанный, боясь отойти от нее даже на полметра. Поэтому сначала он отправился в петрамиум целителей. Приехав в Манибион, Стефан долго не мог решиться наступить на исчезающую ступеньку.

– Что-то у меня закружилась голова, – жаловался он Луне, смертельно побледнев при этом.

Луна смеялась в ответ и протягивала ему руку, стоя на первой ступени, услужливо подставившей мраморную спину ей под ноги.

– Ну давай же, здесь здорово! – веселилась она.

– Знаешь что! – опасливо возражал Стефан. – Ваши книги не могут воздействовать на меня, так как я не драгомирец. Может, и лестница меня не признает и я улечу неведомо куда. И никто не узнает, где закончилась моя короткая жизнь.

Фиччик, слушая причитания Стефана, неодобрительно морщился. Он прямо физически ощущал, как с него начинают сползать лавры великого актера. А уж этого он допустить не мог. Прошептав про себя «Лунфич», он без предупреждения подхватил незадачливого юношу за шиворот и в мгновение ока доставил на дворцовую площадь. Это так впечатлило Стефана, что он потом много раз рассказывал о прелестях и ужасах своего полета.

Подойдя к крыльцу, Стефан долго расшаркивался перед караульными, застывшими у двери. Он пытался пожать им руку и поинтересоваться, как у них дела. Не добившись ответа, Стефан, подталкиваемый Луной, вошел во дворец, несколько раз уточнив, все ли надежно, не упадет ли здание в бездну вместе с ладонями. Услышав такое, даже караульные усмехнулись, но тут же вернули на лица серьезное выражение и уставились прямо перед собой.

Когда они наконец вошли во дворец, Луна вспомнила, как сама впервые сюда попала. Стефан так же вертел головой и тарасился на совершенно обычные для Драгомира вещи наподобие летающих ваз, которых тут было полным-полно. Он пытался взять себя в руки и бесконечно повторял, что ему уже шестнадцать лет и не к лицу вести себя подобным образом. Но у него не особо получалось.

Едва он оправился после встречи с летающими вазами, как со второго этажа по широкой лестнице, не касаясь ногами пола, к ним навстречу спорхнула Нефелина. Рот Стефана самопроизвольно открылся вновь. Правда, воздушные красавицы поражали и самих драгомирцев. А о людях с той стороны земли и говорить нечего. Стефан, засмотревшись, сшиб невысокий постамент, на котором стояла изящная ваза с цветами. Он сделал неловкое движение, чтобы поймать ее, но вместо этого сам растянулся на полу, отбив то место, о котором не принято говорить в приличном обществе. А ваза все-таки не разбилась. Нефелина не ожидала, что юноша упадет, и поэтому бросилась спасать вазу, подхватив ее в сантиметре от мраморной плитки. Потом обернулась и с недоумением посмотрела на Стефана, который, кряхтя и потирая пятую точку, поднимался с пола. Поставив вазу обратно, Нефелина кинулась к нему и взяла за руки:

– Вам больно?

– Не очень, – проблеял Стефан.

Но и на этом его злоключения не закончились. Казалось, что, попав во дворец, он превратился в самого неуклюжего человека на свете, который и шагу не может ступить без разрушений. В этом Стефан перещегоолял даже Пиритти с Пироппо, разбивших столько добра, что никому и не снилось.

После вазы на пол полетел изящный кувшин, который тоже спасла проворная Нефелина. Затем Луна подхватила подсвечник, который Стефан зацепил рукой, показывая на картину, поразившую его воображение. Апогеем его первых десяти шагов стала рухнувшая композиция из нескольких сотен тонких фужеров с лимонадом, стоявших пирамидой друг на друге. Спасти их не смог бы никто. Бокалы разбились с завораживающим перезвоном, и паркет вестибюля покрылся сияющей пылью с хищно поблескивающими кое-где осколками. Нефелина с Луной переглянулись и, подхватив пунцового Стефана, взмыли в воздух. Это было очень вовремя, потому что тот уже потерял равновесие и почти упал на ковер из осколков. Конечно, целители мгновенно бы залечили его царапины, но вот предстать посмешищем перед всеми было бы неприятно. Стефан висел под потолком и в ужасе смотрел, как воздушные придворные быстро заматают осколки в широкие совки. Как только все было прибрано, Стефана опустили вниз и Луна, решительно взяв его под руку, повела в обеденный зал, пока он еще чего не снес. Видя, что ее друг расстроился, она утешающе шепнула ему на ухо:

– Не переживай! Когда я первый раз зашла во дворец, то тоже онемела.

Стефан лишь удрученно вздохнул и постарался больше не делать лишних движений.

Зайдя в зал, он сел за стол и с тоской уставился на огромное количество приборов, лежавших у тарелки.

– Сразу вспомнил бабушку Фифи, – тихонько проворчал он.

Они обменялись с Луной понимающими взглядами. Но, как бы он ни ругал привычку Фифи соблюдать этикет, сейчас эти знания ему пригодились. Во время обеда он не ударил в грязь лицом, если не считать нескольких фраз, сказанных невпопад, да сдавленного бульканья при виде корзины с фруктами. Конечно, не каждый сдержит эмоции при виде знаменитой голубой клубники, которая теперь росла почти у каждого драгомирца, и ярко-фиолетовых персиков с мохнатыми боками. Насладившись вкусом фруктов, Стефан почувствовал, что начинает влюбляться в этот загадочный мир.

Ему отвели комнату в западном крыле, недалеко от спальни Луны и ее родителей, и Стефан, лежа на огромной кровати, долго не мог уснуть. Именно тогда ему пришла в голову идея написания книги. Едва дождавшись утра, он попросил у Александрита разрешение остаться на

некоторое время, чтобы собрать материал. Луна, услышав про книгу, вытаращила глаза. Анита, которая уже перебралась в Гарнетус, но в тот день приехала на завтрак, тоже приоткрыла рот от удивления. Они-то знали, что Стефан вообще никогда не читал книги, кроме учебников. И те из-под палки. Видя их изумление, Стефан усмехнулся и пояснил:

– Когда вы исчезли и меня назвали сумасшедшим, я стал копаться в больничной библиотеке в поисках подобного случая. Я хотел понять, что происходит со мной. Я ни на минуту не верил врачам. Но ничего похожего не нашел, а в библиотеке кроме медицинских справочников были и другие книги. От нечего делать я начал читать... Вы, может, не поверите, но мне сразу понравилось. Я прочел все, что было в библиотеке, а затем приставал к отцу, чтобы он привозил мне книги из дома. Читая, я начинал верить, что не болен.

– Стефан, если бы мы знали, что все так обернется... – с сожалением сказала Анита.

– Я ни о чем не жалею, – возразил Стефан. – Я стал тем, кем стал, и я вновь встретил Луну. Если бы я ее забыл, как вы хотели, – разве я бы оказался здесь? Да никогда. Так что я рад, что вышло именно так.

– Ну что же, книга так книга, – решительно сказал Александрит. – Библиотеки Драгомира в твоём распоряжении, и наша память тоже. Спрашивай, не стесняйся. Когда ты ее напишешь, я лично явлюсь в мир по ту сторону земли, чтобы взять для нас несколько экземпляров. Если, конечно, ты нам их подаришь.

– Ну разумеется подарю, сколько угодно экземпляров, – пообещал Стефан.

С того дня он с головой ушел в изучение Драгомира и сейчас, наверное, знал уже больше, чем Луна, которой вечно не хватало времени. Она могла читать учебники по истории только перед сном, так как начала учиться в Манибионе, а еще продолжала занятия в воздушной школе. Ветер все еще позволял себе шутить с ней.

Стефан быстро освоился и сдружился с Эгирином, который тоже обожал историю, с Сентарией, которая с удовольствием демонстрировала ему опытные образцы растений, и даже с Аметрином, который мог показать ему несколько приемов владения огнем и оружием, когда Луна училась. Дни его были заполнены до отказа: книгами, общением, поездками в другие петрамиумы, сбором материала, архивами и еще множеством дел.

Луна тоже была занята, но тем не менее страдала от одиночества...

Все эти воспоминания вихрем пролетели в ее голове, пока Стефан удобно устраивался на подоконнике, прихватив пару подушек, что вызвало недовольство Фиччика.

– Ну конечно, тебе лишь бы посмеяться над моими бедами, – усевшись, беззлобно проворчал Стефан. – Так что у тебя стряслось? Я вышел из библиотеки, и мне сказали, что ты вернулась в ужасном настроении. Ты поругалась с Сентарией?

– Нет... Я так и не увидела ее.

– В смысле? Ты же поехала к ней.

– Поехала, да не доехала, потому что кое-кто увязался за мной.

– Аметрин?

– Ну конечно... Кто же еще, – горько вздохнула Луна.

– А я думал, он поехал к себе готовиться к поединкам.

– Мы все на это надеялись... А он еще отругал меня, что я выехала из дворца без сопровождения. Лунфич, как выяснилось, не считается.

Фиччик протестующе пискнул и начал мутузить кулачками невидимого противника.

– Что значит – не считается?! – воинственно воскликнул он.

– Тише-тише, – погладила его Луна. – Стефан, – девушка умоляюще взглянула на друга, – я не знаю, что с этим делать! Он не слышит никого, кроме себя. Даже Анита с Гелиодором для него не указ.

– Я тоже пытался с ним поговорить, – признался Стефан.

– Да? И как?

– «Видишь эту прядь? Я теперь должен всегда быть рядом», – процитировал Стефан.

Луна опять вздохнула.

– А что, если Аметрин прав? – вдруг предположил Стефан. – Я уже прочитал немало летописей. И они все уверяют, что страшнее черных книг нет ничего на свете. Пока они не уничтожены, опасность и правда висит над всеми, а над тобой особенно.

– Но книги в Валоремии!

– Я бы не стал так полагаться на это, – хладнокровно заметил Стефан. – Мы по ту сторону земли более трезво смотрим на вещи. Доверить белой магии охранять черную – мягко говоря, не лучший выход. Правителям нужно срочно придумать что-то другое. Потому что сейчас Эссантия присматривает за своим главным врагом. Где гарантия, что книги не нападут изнутри?

– Быть такого не может, – возразила Луна, но почему-то не очень уверенно.

– Вот-вот, – кивнул Стефан. – Ты все-таки тринадцать лет прожила в мире без волшебства, и у тебя еще нет такой слепой веры в Эссантию, как у здешних жителей. Так что я бы на твоём месте потерпел.

– Но... – начала Луна и не смогла закончить, сраженная доводами Стефана.

Помолчав немного, она принялась рассуждать вслух:

– А ведь и правда, если Эссантия так сильна и непобедима, то почему она сама не уничтожила черные книги? С другой стороны, легенды гласят, что Эссантия не вмешивается в дела людей. Книги созданы не ею, а людьми, может, поэтому она и дает нам самим возможность их уничтожить?

– А ты никогда не задумывалась над тем, кто наделил книги такой силой? Почему все колдуны, создавшие их, давно мертвы, а книги до сих пор живут?

– То есть ты хочешь сказать, что существует какое-то отдельное зло?

– Я имею в виду следующее. Если есть Эссантия, душа Драгомира, белая магия, значит, должен быть еще какой-то дух, который противостоит ей. Как в наших сказках: добро всегда идет в паре со злом, белое с черным, ад с раем... Ведь кто-то же толкает всех этих людей совершать плохие дела.

– Надо поговорить с отцом! – вскочила Луна.

– Бесполезно, – мрачно ответил Стефан. – Я уже пробовал.

– И что?

– Да ничего. Он лишь снисходительно улыбнулся и сказал, что правители пристально следят за Валоремией и точно не допустят, чтобы книги начали что-то делать внутри. Но я бы на твоём месте не прогонял Аметрина. Ты же видишь, им движет какая-то сверхъестественная уверенность. Он убежден, что должен быть с тобой, пока книги не уничтожены. Так что потерпи. Это неспроста. Может, именно Эссантия приставила Аметрина к тебе и сейчас управляет его поступками. Ты просто не пробовала взглянуть на ситуацию его глазами. Может, он тоже страдает, но долг превыше всего.

– О...

Луна совсем растерялась. Она была так занята жалостью к себе, что и правда совсем не думала об Аметрине.

– Я знаю, что делать, – подумав, заявила она. – И ты мне в этом поможешь.

– Все что угодно, – тут же согласился Стефан.

4

На следующее утро Луна предложила преподавателям в школе целителей отменить занятия, ведь Эгирин готовится к поединкам, а когда в классе всего два ученика, нет смысла разделять их. Учителя согласились с ее доводами и, дав кучу тем для повторения, отпустили на несколько дней.

Луна тут же подошла к Аметрину, который с раннего утра слонялся по дворцу, наплевав на подготовку к поединкам.

– Сегодняшний день пойдет по моим правилам, – твердо сказала она. – Сейчас мы едем в Смарагдиус.

– Хорошо, – покладисто согласился Аметрин. – А зачем?

– Увидишь, – мрачно ответила Луна и решительно направилась в конюшню.

Джемма так обрадовалась при виде хозяйки, что даже облизала Фиччика с ног до головы. Естественно, это не вызвало у него никаких восторгов. Тем более все произошло на глазах у Лиссы, которая хихикала, спрятав мордочку в пушистый хвост. Джемма облизала и ее, чтобы Фиччику не было одиноко, и, довольная собой, заплясала под седлом.

Она любила хозяйку, свободу и теплый ветер. Нет ничего лучше, чем скакать по просторам Драгомира, вдыхая запах цветов, слушая пение птиц и подставляя гриву порывам ласкового ветра. Джемма не любила конюшню и других лошадей, которые поначалу посмеивались над ее белоснежной окраской. Правда, вскоре эти смешки прекратились – большие зубы Джеммы быстро навели порядок.

Выйдя из конюшни, она обернулась к своим собратям, оставшимся в стойлах, и победно оскалилась. А затем, весело помахивая хвостом, потрусила на мостовую дорожку подъездной аллеи. Луна молниеносно вскочила в седло и, прижавшись к голове Джеммы, прошептала ей в самое ухо:

– Неси меня, красавица, навстречу друзьям и свободе!

«Только бы у Стефана все получилось!» – мысленно добавила она.

Джемма испустила радостный клич и белоснежной стрелой помчалась по дороге, оставив далеко позади тяжелого коня Аметрина.

Спешившись у главного сада Смарагдиуса, где они так любили гулять с Сентарией, Луна, поджав губы, дождалась Аметрина, который, впрочем, не сильно отстал. Огненный боевой конь никогда бы не позволил, чтобы какая-то красотка с белоснежной гривой обогнала его. Он легко нагнал Джемму в пути и лишь в конце немного поддался, уступив ей право первой заехать на подъездную дорожку. При других обстоятельствах Луна посмеялась бы над этим галантным соперничеством, но сейчас ей было не до того. Девушка волновалась, то и дело нервно сжимая кулаки.

Дождавшись, когда Аметрин пристроит лошадей, она повела его в глубину сада на лужайку, где уже много тысяч лет жил Древлий. Старое дерево было единственным источником петрамиума, который находился в легкодоступном месте. К тому же Древлий хорошо знал Луну. Именно поэтому девушка решила обратиться к нему за советом.

Накануне вечером она все же попыталась поговорить с родителями, но они не захотели слушать ее доводов по поводу опасности, нависшей над Эссантией из-за черных книг, и заверили, что все в порядке.

Луна надеялась, что Древлий не откажет ей. Главное, чтобы он не спал, ведь разбудить почтенного старца еще никому не удавалось. Поэтому Луна, чтобы подстраховаться, с утра отправила к дереву Стефана.

Подойдя ближе, она с облегчением увидела Стефана, мирно болтающего с Древлием. Он забрасывал старца вопросами и торопливо заносил ответы в распухший от записей блокнот.

– Уважаемый Древлий, здравствуйте! – почтительно поприветствовала Луна.

– Здравствуй, Луна. Спасибо, что не забываешь старика. Я тебе говорил, что рад тому, что ты осталась жива?

– Конечно, говорили, и уже много-много раз, ведь сколько времени прошло! – рассмеялась девушка.

– А что тебя привело ко мне сегодня, да еще и в такой мрачной огненной компании?

– Да вот именно это и привело, – вздохнула Луна, покосившись на Аметрина, который с недоумением смотрел на Сентарию и Эгирина, направляющихся к дереву.

– У нас что, здесь назначена встреча? – спросил он, переведя взгляд на девушку.

– А ты что-то имеешь против? – тут же взвилась Луна. – Вообще-то они наши друзья, если ты не забыл.

Аметрин не счел нужным отвечать. Он прислонился к сосне и сложил руки на груди. Дерево протестующе закрипело на все лады, обзывая Аметрина разными словами, из которых «бесчувственный чурбан» было самым мягким. Однако вскоре сосна поняла, что никто не собирается приходить ей на помощь, и решила сама справиться с этой почти двухметровой неприятностью.

– Ой! – вскрикнул Аметрин, когда его по макушке ударила большая шишка.

Он кинул грозный взгляд наверх, чтобы найти шутника, но, разумеется, никого не увидел и ограничился тем, что потер пострадавшее место. Через секунду туда же прилетела новая шишка.

– Да что это такое? – Аметрин отскочил от дерева и еще раз внимательно взгляделся в густую крону.

Он опять никого не заметил, опасливо озираясь, вернулся на прежнее место и вновь привалился к дереву, после чего ему на голову одна за другой свалились сразу две шишки.

– Кто там шутки шутит? А ну спускайся! – разозлился Аметрин.

– Да нет там никого, – с улыбкой ответил ему Эгирин, уже добравшийся до лужайки. – Ты просто не учел свои размеры. Сосне тяжело тебя держать, вот она и ругается.

– Что-то случилось? – вместо приветствия спросила слегка запыхавшаяся Сентария, которую оторвали от очередного опыта.

Их встречи стали теперь настолько редкими, что из разряда обычных превратились в нечто невероятное и могли означать какую-то большую беду или неприятность.

– Почти! – ответила Луна. – Именно затем, чтобы ничего не случилось, я вас здесь и собрала. А Древлия попрошу нас рассудить. На эту мысль меня вчера натолкнул Стефан. Возможно, он оказался намного проницательней всех нас.

Польщенный Стефан важно кивнул. И Луна начала рассказывать о его догадках про темную и светлую магию. В завершение она добавила:

– Кто знает, может, эта прядь у Аметрина действительно появилась неспроста и книги могут вновь захватить власть и меня? Я хотела освободиться от его постоянной опеки и не думала ни о чем, кроме своего раздражения. Да и мы все разошлись в разные стороны, лелея обиды. В то время как Драгомиру, возможно, грозит опасность...

Выслушав Луну, Эгирин и Аметрин погрузились в раздумья. Древлий тоже молчал. Лишь нахмуренные брови выдавали озабоченность. А вот Сентария молчать не стала и тут же в негодовании затараторила:

– Луна, что ты такое говоришь? Этого не может быть. Это невозможно! Эссантия – душа нашего мира, его создательница, она самая сильная, могущественная, великая...

Сентария захлебнулась словами и посмотрела на Эгирина в поисках поддержки. Но юноша, выросший в петрамиуме отверженных и лицом к лицу столкнувшийся с черной магией, не был настроен столь оптимистично. Он знал, на что способны книги, и не обладал слепой верой в силы Эссантии. Однако, как любой драгомирец, не мог позволить себе сомневаться

ни в ней, ни в решении правителей, которые отдали книги ей на хранение. Поэтому Эгирин молчал.

– Ну же, Эгирин! – возмущенно требовала Сентария. – Скажи им! Нельзя замахиваться на священное!

Луна обиженно взглянула на подругу:

– Может, не нужно так яростно защищаться? Попробуй хоть немного подумать! Откуда у черных книг столько сил?

– Они черпают их из заклятий, которые в них содержатся! – запальчиво выкрикнула Сентария.

– Хорошо, – кивнула Луна. – Тогда почему правители не вынесут наши книги, в которых огромное количество светлых заклинаний? Пусть они поборются друг с другом. Светлых книг ведь намного больше. Что им какие-то пять томов, напиленных темной магией?

– Потому что... – начала Сентария и осеклась.

Повисла тяжелая тишина.

– В ваших словах есть доля правды, – медленно проговорил Древлий, и все тут же повернулись к нему. – Мы действительно столкнулись с таким злом, происхождение которого не можем объяснить. И если рассуждать как Стефан, то логично предположить, что в противовес добру всегда существовало и зло. Таков закон жизни. Просто, когда добра больше, зло сидит тихонько в ожидании своего часа и не высовывается. А этот час может наступить. А может и нет.

– Но тогда зачем черные книги отдали Эссантии? Ведь они теперь не таятся где-то в темном углу, а проникли в самое сердце Драгомира! – воскликнула Луна.

– «Держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе»³, – глубокомысленно изрек Древлий. – Это я посоветовал правителям спрятать книги в Валоремии, куда нет доступа никому, кроме них. В любом другом месте, в непроходимой чаще или на дне моря, обязательно появится тот, кто найдет их. Пока не придуман способ уничтожения книг, мы вынуждены их хранить. Если мы опять попытаемся сжечь их в волшебном костре, то они исчезнут, а потом опять воскреснут.

– Но ведь опасности нет? – испуганно спросила Сентария. – Эссантия нас защитит?

– Пока живы книги, опасность существует, особенно для Луны, – ответил Древлий. – Они могут сделать ее проводником и потихоньку вытягивать силы, а могут убить сразу и получить всю силу целиком. Как решит Обсидиан.

– Но Обсидиан мертв! – запальчиво возразила Сентария. – Серафим лично расправился с ним, а Рутил отсек голову.

– Да-да! – подтвердил Серафим, показывая свои лапки, на которых остались черные отметины.

– Эх... – вздохнул Древлий. – Ну ладно Луна не знает. Ладно Эгирин, он тоже не здесь вырос. Про Стефана я вообще молчу. Но ты, Сентария!

– Что такое?

– Это же очевидно! Хранитель живет столько, сколько его подопечный, верно?

– Ну да, – кивнула Сентария, оторопело глядя на Древлия.

– И... – подсказал тот.

Сентария усилием воли заставила себя успокоиться и тихо спросила:

– Я не понимаю вас, почтенный Древлий. Что значит ваше «и»?

³ «Держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе» – известная фраза древнекитайского мыслителя и стратега Сунь Цзы, автора знаменитого трактата «Искусство войны».

Древлий закатил глаза и хлопнул себя веткой по лбу. Висящие вниз макушками крохотные деревца-шпионы протестующе запищали, а некоторые даже упали на землю от такого маневра.

– И хранитель не может погибнуть, пока жив его подопечный.

Воцарилась тишина.

– О-о-о, – только и смогла вымолвить Сентария.

– Обсидиан жив? – дрожащим голосом спросила ошарашенная Луна.

– Пока нет. Правители постоянно проверяют. Но он возродится. Вот увидите. Дайте только время. Если бы книги попали в руки к человеку с дурными помыслами, он бы уже появился. Светлая энергия Эссантии тормозит этот процесс. Но так не может продолжаться вечно. Обсидиан рано или поздно вернется. Ведь его подопечные, черные книги, живы.

Серафим страдальчески вздохнул и вновь вытянул вперед искалеченные ядом лапки.

– Значит, все напрасно? – горько воскликнул он.

– Ну что ты! Ты сделал многое для Драгомира. Именно ты подарил нам эту передышку. Если бы не ты, правители не смогли бы спрятать книги в Валоремии, так как их хранитель сделал бы все, чтобы вызволить их оттуда... Но запомните хорошенько: пока не уничтожены книги, Луна и весь наш мир в опасности!

– Я же говорил! – наконец отмер Аметрин. – Недаром у меня появилась эта прядь!

Если Сентария все отрицала, а Эгирин сомневался, то Аметрин сразу поверил в доводы Луны. Ведь теперь он наконец смог объяснить свое непреодолимое желание защищать девушку. Друзья, осуждавшие Аметрина за эту навязчивую опеку, теперь пристыженно опустили глаза.

– Но почему же отец говорит, что никакой опасности нет? – спохватилась Луна.

– Правители не говорят всей правды, и правильно делают, – невозмутимо ответил Древлий.

– Но почему? – Сентария, сжав руки в кулаки, нервно заходила по лужайке. – Люди должны знать о возможной опасности.

– Нет, не должны. Драгомирцы устали от долгой войны. Почти пятнадцать лет жизни в страхе, когда не знаешь, какие беды и страдания принесет тебе завтрашний день. Страх за близких, воюющих на передовой, за дом, за детей, за себя... Невозможно так дальше жить. Правители знают, что хранить книги в Валоремии – не лучший выход. Они день и ночь ищут способ их уничтожить. И сразу сделают это, когда придумают как. А за Эссантией мы приглядим.

Древлий укоризненно посмотрел на Луну и ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Так что, Луна, прекращай жалобы. Аметрин все делает правильно. Именно поэтому никто из правителей не остановил его. Ему можно доверять. Он достаточно силен, чтобы защитить тебя. Если тебя не устраивает Аметрин, то скажи, и твой отец назначит другого воина. Но ни один из них не сможет дать тебе такой защиты, как твой друг. Ведь Аметрин готов, ни секунды не колеблясь, отдать за тебя жизнь. А вы ссоритесь, словно неразумные дети!

Древлий возмущенно замолчал. Никогда его еще не видели в таком волнении. Даже оскорбления Гиацинта он переносил с невозмутимым видом, а тут... Мохнатые брови нахмурились, взгляд сделался колючим. Ребята стояли, боясь поднять головы.

Древлий, впрочем, быстро успокоился и сказал более мягко:

– Вы пришли ко мне за советом, вы его получили. У меня все. Мне нужно отдохнуть.

Старейший источник утомленно прикрыл веки и тут же заснул.

Друзья потрясенно молчали. Луна чуть не плакала от стыда. Один лишь Аметрин был спокоен. Он вновь привалился к сосне и опять получил очередной шишкой по макушке. Тогда он словно очнулся и, отойдя на безопасное расстояние от разгневанного дерева, тихо сказал:

– Ну и долго вы будете стоять, словно в рот воды набрали? Предлагаю обняться и выкинуть из головы все, что вы за это время успели себе придумать.

Эгирир первым подошел к Аметрину и, крепко обняв, от души двинул кулаком в плечо.

– Лично я ничего не придумывал!

– Да уж, рассказывай, – беззлобно усмехнулся Аметрин, – а чего тогда сторонился меня?

– Я сторонился? На себя посмотри. Мы гуляем, болтаем, а ты вечно на посту. Мне просто было неловко за мой легкомысленный образ жизни. Но теперь я, конечно, смотрю на ситуацию иначе. Будем вместе охранять Луну.

– И я с вами, – добавил Стефан.

– Ну конечно. Куда же без тебя, – расхохотались друзья.

Если у юношей все разрешилось довольно легко, то Луна и Сентария так и продолжали стоять, не глядя друг на друга. Аметрин посмотрел на них и сказал:

– Думаю, вам есть о чем поговорить. Мы будем поблизости, вон за теми деревьями. Надеюсь, они не такие агрессивные, как эта сосна.

Сосна тут же осыпала его градом шишек, каждая из которых достигла цели, как Аметрин ни уворачивался. Это немного разрядило обстановку, и все рассмеялись.

Затем юноши отошли в рощу, а Луна с Сентарией сели на траву неподалеку от Древлия.

– Прости, – тихо проговорила Сентария.

– И ты меня прости, – тут же подхватила Луна.

Взявшись за руки, они почувствовали, как возвращается прежнее тепло. Им не нужны были слова. Они просто сидели рядом и молчали.

– Мне страшно, – прошептала Сентария. – Если нас не может защитить даже Эссантия, то кто тогда защитит наш мир?

– Думаю, правители найдут способ уничтожить черные книги и все закончится, – оптимистично откликнулась Луна.

– Ты такая храбрая. Я бы не смогла нормально жить, зная, что на меня могут в любой момент напасть и убить, – Сентария вздрогнула и крепко сжала руку подруги. – Даже после того, что наговорил Древлий, ты не потеряла присутствия духа. В отличие от меня.

– Зато ты рядом, и с такой поддержкой мне ничего не страшно.

Девушки встали и пошли в сторону друзей, которые уже вовсю шутили, забыв обиды.

– И чего мы тут стоим? – нарочито грозно прикрикнула Луна. – Забыли про поединки? Между прочим, уже полдня прошло.

– Но, Луна! Какие могут быть поединки? – возмутился Аметрин. – Ты же слышала, что сказал Древлий.

– Конечно, я разве похожа на глухую? Я просто буду с вами, пока вы будете готовиться, и все.

– Но это же скучно! Чем ты будешь заниматься?

– Не переживай, я придумаю. Ты же ждешь меня из школы – и ничего, находишь себе занятие; вот и я найду, пока ты тренируешься.

– А я тебе помогу, – сказала Сентария.

– И я, – тут же добавил Стефан.

Друзья вновь рассмеялись. Напряжения как не бывало. Все словно стряхнули с себя груз невысказанных обид, и только вина перед Аметрином мешала окончательно расслабиться. Чтобы избавиться от этого чувства, они окружили его и крепко обняли со всех сторон.

– Предлагаю отправиться в Манибион, там есть и лаборатория, и тренировочный зал, – предложила потом Луна.

Юноши поддержали ее идею, и Эгирир пошел отпрашиваться у деда на два дня, решив до начала поединков не тратить время на разъезды. Отправив гонца в Гарнетус, чтобы предупре-

дочь Раиту, маму Аметрина, вся компания, радостно переговариваясь, отправилась в Манибион.

5

– Слушайте все! Слушайте внимательно!

Рано утром, едва встало солнце, по всему Драгомиру раздались зычные голоса глашатаев. Они одновременно появились на главных площадях всех петрамиумов со свитками в руках. Их голоса, усиленные говорильными трубами, похожими на закрученный рог, услышали все драгомирцы, где бы они ни находились. Люди оставили дела и вышли на улицы.

– Сегодня в полдень состоится первый этап поединков. Приглашаем всех желающих на площадь у портала. Для тех, кто не может оставить дела, Эссантия подготовила сюрприз. Она будет демонстрировать поединки в зеркалах. Любых зеркалах, для всех и каждого. Да здравствует Эссантия! Ура!

– Ура! – подхватили драгомирцы, обожавшие зрелища.

Расходясь по домам, они взахлеб обсуждали подарок Эссантии. Ведь раньше не все могли следить за поединками. Трибуны были огромными – они вмещали несколько тысяч человек, – но все же недостаточными, чтобы разместить всех желающих.

Воздушные модницы тут же достали из сумочек крохотные зеркала и, раскрыв их, с криками восторга увидели вместо своих любопытных лиц изображение площади, где плотники заканчивали возведение трибун и устанавливали помост для правителей и старейшин.

Остальные драгомирцы тоже с изумлением смотрели в зеркала, поражаясь тому, насколько точным было изображение. Поднялась суеда. В домах искали самые большие зеркала, осторожно снимали их со стен и выносили во дворы. Кто-то вместе с зеркалом вытащил на улицу диван, чтобы устроиться со всем возможным комфортом. Затем люди кинулись доделывать дела. Те, кто хотел лично присутствовать на поединках, устремились к порталу, спеша занять местечко получше.

– Ну все, началось, – прошептала Луна, чувствуя, как холодеют ладони.

– Ага, – взволнованно подтвердила Сентария.

Ради поединков занятия в школах отменили, и Сентария, конечно, не могла оставаться в стороне, несмотря на непонятные отношения с Аметрином. После разговора с Древлием она осознала опасность, которая нависла над Драгомиром и ее подругой, и посмотрела на ситуацию с другой точки зрения. До этого Сентария не замечала ничего, кроме своей обиды, и даже не задумывалась, каково приходится Луне, да и самому Аметрину. А что касается черных книг, то Сентария, как большинство драгомирцев, о них и думать забыла, полностью доверяя Эссантии.

Весь день после встречи с Древлием она проплакала в комнате Луны и наконец-то смогла высказать все, что накопилось на душе.

– Понимаешь, мне тяжело видеть его... Я для него всегда была не очень-то и важна, а с появлением серебристой пряжи вообще стала пустым местом.

– Сентария, ты не права, – успокаивала ее Луна. – Это же Аметрин. В первую очередь он воин. Долг превыше всего. Вспомни, сколько Гелиодору понадобилось времени, чтобы сделать предложение Аните, которую он полюбил с первого взгляда.

– То есть мне нужно подождать еще лет двадцать? – с ужасом воскликнула Сентария, поднимая заплаканное лицо.

– Ну уж нет, – решительно заявила Луна. – У Гелиодора просто не было меня. А я церемониться с Аметрином не стану. Как только появится удобный момент, обязательно с ним поговорю. Таких, как он, нужно подталкивать к решительному шагу. Это в сражениях они в первых рядах, а в любви плетутся в самом хвосте. Они не знают, как себя вести. Романтики в них ноль целых шиш десятых.

– Ой! Не надо! А вдруг я ему неинтересна...

– Я уверена, что это не так.

– Хотя... В любом случае лучше правда, чем ложные надежды, – вздохнула Сентария. – Наберусь смелости и поговорю с ним сама.

– Хорошо, – согласилась Луна. – Но учти, я долго ждать не буду. Кто знает, когда ты наберешься смелости. Анита и за двадцать лет не смогла.

На том и порешили, а пока отложили эту тему, сосредоточившись на помощи друзьям, которые готовились к поединкам. Луна теперь сама повсюду ходила тенью за Аметрином, чтобы тот не отвлекался от тренировок. Сентария была либо с ней, либо с Эгирином, который закрылся в лаборатории и выходил оттуда, только чтобы поесть. Быстро перехватывал что-то на лету и вновь погружался в работу. По расстроенному лицу было видно, что не все идет гладко, но от помощи он отказывался. Разве что раствор какой принести или пробирку подать, что и делала Сентария, изнывающая от любопытства. А однажды Эгирин и вовсе пришел на обед с перебинтованной рукой, но не разрешил взглянуть на рану ни Луне, ни даже Александриду. Что случилось, так и осталось загадкой.

Время, отведенное на подготовку, пролетело незаметно.

Вечером перед началом поединков Александрит решительным шагом вошел сначала в лабораторию, вытащив сопротивляющегося Эгирина из-за стола, а затем в тренировочный зал, забрав оттуда Аметрина и Луну, которая успела задремать на скамейке, и грозно сказал, да так, что никто не посмел ослушаться:

– Всем спать! Завтра вам понадобятся все ваши силы и знания. Если вы придете измотанными, то ничего не получится. Так что быстро по комнатам.

Невзирая на страх, усталость последних дней дала о себе знать, и Эгирин с Аметрином проспали всю ночь как убитые. Чего нельзя сказать о подругах, которые наутро были бледны и за завтраком клевали носом. Стефан крутился возле юношей, засыпая их бесконечными вопросами о самочувствии, настрое и ожиданиях, чем немного утомил их. Они хотели спокойно позавтракать, а уже потом думать о поединках. Но Стефан не обращал внимания на их недовольство. Поглощенный раздумьями о будущей книге, он записал ответы и, схватив пару булок, умчался к порталу, чтобы описать подготовку к поединкам.

После завтрака друзья отправились вслед за Стефаном к центру Драгомира, где на поле за два дня выстроили гигантскую смотровую площадку с несколькими рядами трибун, которые уже заполнились народом. Желающих было много, несмотря на обещанную демонстрацию поединков через зеркала. Азартные драгомирцы любили находиться в гуще событий. Те, кому не хватило места на трибунах, устроились на соседних лужайках вокруг принесенных с собой зеркал. Если уж не получится увидеть живую, то хотя бы поболеть со всеми вместе.

Воинам пришлось потратить немало усилий, чтобы отогнать зрителей, перегородивших проезд, с широких дорог, ведущих к порталу. Люди расступились, но все равно держались у обочин. Окрестные поляны уже были заняты, а следить за поединками из кустов или леса никто не хотел.

Аметрин, увидев толпу, немного побледнел. Сентария положила ладонь на его сжатый кулак, и он благодарно взял ее за руку. Луна покосилась на них и улыбнулась.

«Может, и не придется ждать двадцать лет», – удовлетворенно подумала она.

Затем Луна переключилась на то, что происходило вокруг. Ей-то вряд ли доведется испытать себя в поединках. Эссантия допускала к ним только лучших выпускников, а Луна не будет сдавать экзамены. Правители решили, что экзаменоваться по каждому дару отдельно невозможно. Даже двойные экзамены для тех, кто открыл в себе дар целителя, были сложными, и после них редко кто допускался до поединков – слишком много материала нужно было запомнить.

Александрит и Анита много раз рассказывали, сколько им понадобилось сил на подготовку. Днями и ночами весь выпускной год они зубрили без передышки. Анита вспоминала тот

год как бесконечную вереницу учебников, летописей, опытов, справочников, энциклопедий. Они с братом справились только потому, что всегда поддерживали друг друга.

Помня об этом, Алекс сразу высказал сомнения по поводу Луны. Точнее, сомнения не в ней самой, а вообще в способности человека запомнить столько опытов, ведь в каждой школе они исчислялись сотнями. То есть Луне пришлось бы выучить около тысячи билетов. И не за десять лет, как другие дети, а за каких-то три года. Анита поддержала брата. И Луна согласилась с ними. Она понимала, что теоретических знаний ей сильно не хватает, да и магией, при всех своих талантах, она пока владеет совсем не виртуозно.

Поэтому сейчас девушка старалась не упустить ни малейшей детали происходящего.

Вместе с участниками поединков они пересекли площадь, на которой будут разворачиваться основные события.

Луна смотрела на гигантские трибуны, при строительстве которых точно не обошлись без магии, ведь иначе они бы просто рухнули под таким количеством зрителей.

Пока все сидели спокойно, оживленно переговариваясь и окликая знакомых. Но не пройдет и получаса, как трибуны взорвутся криками. Драгомирцы болели за своих любимчиков, не жалея сил и собственного горла.

Не успела Луна как следует осмотреться, к ним подошли организаторы и повели участников в большой шатер на краю гигантского поля. Девушки пожелали им удачи и заторопились к своим местам. Шум на трибунах стал стихать. Значит, скоро начало.

И Эссантия не заставила себя ждать. Ровно в полдень, как она и обещала, поединки начались.

Заиграла музыка. В центре площади взметнулся столб огня. Люди ахнули, а некоторые особо впечатлительные даже шарахнулись от почудившегося им жара и прикрыли лицо от воображаемых искр. В следующую секунду огонь исчез, и на его месте появился Аметрин, одетый в темно-бордовый плащ огненной школы. Он стоял на невысоком постаменте. От фигуры так и веяло мужественностью, а плащ величаво развевался за спиной, заставив сотни девушек замереть от восторга. Ярко-красный гранат, символ Гарнетуса, сверкнул на галстук, и огненные драгомирцы, не выдержав, подскочили и начали скандировать:

– Аметрин! Аметрин! Аметрин!

Громче всех вопили Пиритти с Пироппо, которые умудрились занять самые лучшие места. Еще бы, их брат участвует в поединках! Они так раздулись от гордости, что напоминали важных индюков. На их плечах плясали Руби и Флави, щелкая хвостами и осыпая мальчишек искрами.

Раита, глянув на недовольные лица соседей, призвала расшалившихся хранительниц к порядку. Она до сих пор не понимала, кто на кого больше влияет в паре хранитель – ребенок. Руби и Флави были такими же проказницами, как и ее мальчишки. Но зато не давали тем покалечиться во время очередной шалости.

Наведя порядок, Раита залюбовалась старшим сыном. Он выглядел уже почти как взрослый воин. Такой смелый и сильный. Открытое лицо, прямой взгляд, честные глаза, в которых не было ни намека на злость, в отличие от его отца. Раита радовалась, что, несмотря на внешнее сходство, Аметрин все-таки совсем не походил на Гиацинта. Затаив дыхание, она сжала руки и смахнула слезу гордости.

Неожиданно небо расколосось, и из глубокого разлома, отливающего синевой, появилось пышное облако. Спустившись вниз, облако окутало зрителей мелкой водяной пылью, принеся с собой свежесть и прохладу. На облаке стояли две тоненькие фигурки: Виолана в платье цвета утреннего неба и Сапфирин⁴ – еще один выпускник школы Кристаллиума, прошедший

⁴ Сапфирин – драгоценный камень светло-синего цвета с белыми переливами.

отбор. За их спинами развевались голубые плащи, а на запястьях переливались браслеты из горного хрусталя. Все ученики воздушной школы, сидевшие на трибунах, подняли руки, и солнце, отразившись в их браслетах, усеяло площадь миллионами солнечных зайчиков. Луна даже зажмурилась.

После того как затихли овации в честь воздушных участников, землю разрезали три водные струи, фонтаном взметнувшиеся к небесам. Слившись воедино, они образовали волну, на гребне которой стояли трое молодых людей. Среди них заметно выделялся Кианит, возвышавшийся на полголовы над остальными. Поклонницы завопили от восторга, покоренные синевой его бездонных глаз и величественной статью. Волна, пролетев над трибунами и обрызгав зрителей водой, мягко опустилась на землю и исчезла без следа.

На площади стояли уже шесть претендентов на титулы. Наступил черед школы Смарагдиуса. Зрители затаили дыхание. Земля снова задрожала. Сидевшие на нижних трибунах вскочили. Казалось, кто-то гигантский ворочался внизу, в самом сердце земли. В середине поля наружу стали пробиваться огромные ростки, которые вытягивались буквально на глазах. Стебли наливались и толстели. Узорчатые листья раскидывались, закрывая собой половину поля. И вот появились бутоны. Зрители ждали появления нежных цветов, но тут у основания листьев проклюнулись длинные колючки. Это был чертополох!

– А я появлюсь из орхидеи, вот увидишь, – прошептала Сентария. – По крайней мере, я буду очень просить Эссантию.

Чертополох раскрылся, и в центре оказались два смарагдианца. Ловко ухватившись за блестящие колючки, они спрыгнули на землю, заняв свои постаменты.

Но среди них не было Эгирина. Луна чуть не вскочила от изумления. Схватив Сентарию за руку она возмущенно зашептала:

– Где Эгирин? Это еще что такое? Почему его нет среди земных выпускников?

– погоди, – успокаивающе сказала Сентария, – мы не знаем, что задумала Эссантия.

И действительно. Земля вновь загудела, и одновременно с ней задрожал воздух. Над полем появились очертания огромных ладоней, символа Манибиона. В центре ладоней стоял Эгирин, одетый в белый плащ целителей.

Зрители сначала замерли, а затем трибуны сотряс гром оваций. Никто не ожидал, что Эссантия представит Эгирина как выпускника школы Манибиона, ведь он только-только начал учиться в ней. Но создательнице было виднее, и народ принял такое решение с восторгом.

Неожиданно неведомая сила подняла Луну в воздух. Она даже не успела крикнуть, как уже стояла рядом с Эгирином, пытаясь понять, что произошло.

Замерла и вся многотысячная толпа. Правители медленно встали с мест, следом поднялись старейшины. Никто не произносил ни слова, никто даже не переглядывался, не обменивался недоуменными жестами. Все молча смотрели на Луну, по лицу которой разливалась матовая бледность. Девушка закусила губу и растерянно озиралась по сторонам.

На плечи Луны мягко опустился золотистый плащ, на котором был вышит ее символ. Изящная ветвь, растущая из центра сложенных ладоней, украшенная тремя волшебными цветами. Вместо первого бутона гудел вихрь, окутанный золотистой пылью; второй бутон выглядел как фонтан, от которого летели серебристые брызги; третий – горел всеми цветами огня. Языки пламени переплетались друг с другом, образуя цветок. Изображение было живым. Бутоны двигались, искры, капли и золотая пыль выглядели настоящими.

Драгомирцы как замороженные смотрели на эту красоту, но продолжали молчать. Никто не понимал, почему Луна, которой еще не исполнилось шестнадцати и которая не закончила ни одной школы, стояла вместе с участниками. Все, конечно, любили девушку, но в душах людей поселилось недоумение.

6

Конечно же, Эссантия задумала сюрприз. Когда она бывала счастлива, то могла озадачить драгомирцев чем-нибудь эдаким.

Многие вспомнили, как давно, еще до войны, в один из дней рождения Драгомира, Эссантия подарила людям прогулку по небесам. Тогда на центральной площади молниеносно вырос огромный плющ с вьющимися длинными плетями. Они плотно обхватывали людей и поднимали вверх, к облакам, чтобы те насладились ощущением полета. Правда, сначала драгомирцы испугались. «Счастливики», первыми оказавшиеся в цепких лапах настырного плюща, кричали и вырывались, но потом, поняв, что им ничего не угрожает, успокоились и даже поторапливали волшебное растение, чтобы быстрее подняться в небо.

Стоит ли говорить, как этот подарок Эссантии разозлил кристаллианцев, считавших себя выше других, а свой дар более ценным, чем какая-нибудь земная или водная магия. Воздушные волшебники, больше похожие не на людей, а на прозрачное сплетение небесных нитей, втайне называли остальных драгомирцев приземленными.

Наверное, поэтому Эссантия и сделала такой подарок, чтобы немного проучить спесивых кристаллианцев. И, скорее всего, то, что происходило сейчас, она задумала тоже с какой-то целью.

Луна стояла рядом с Эгирином, оглушенная полнейшей тишиной. И тут к ней подлетела небольшая подушечка с крыльями.

– Неужели кольцо? – выдохнула толпа.

Имелось в виду кольцо участника поединков, которое Эссантия вручала каждому выпускнику, прошедшему отбор. Луна испугалась. Она стояла ни жива ни мертва, боясь шелохнуться и даже просто посмотреть на бархатную подушечку, которая зависла рядом с ней, нетерпеливо взмахивая ажурными крыльями.

– Там какой-то свиток! – раздался голос рядом.

Девушка от шока даже не сообразила, что это Эгирин.

– Возьми его! Ну же, Луна! Люди ждут! – настойчиво продолжил он и легко сжал ее руку, пытаясь вывести из онемения.

Девушка подняла глаза и увидела свиток, лежавший на подушке. Он был украшен сургучной печатью, на которой Луна с изумлением распознала свой символ, и перевязан ленточкой, расшитой золотой нитью, под цвет ее плаща. Протянув дрожащую руку, девушка осторожно взяла свиток. Подушечка радостно затрепетала, избавившись от легкого, но все же груза, взмыла ввысь, радуясь удачно выполненной миссии (донесла, не уронила), и мгновенно растворилась среди облаков.

Зрители вскакивали с мест и вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что происходит. Луна, обведя глазами людское море, глубоко вздохнула и решительно сломала печать, развернув свиток. Тишина стала осязаемой.

Девушка кашлянула, чтобы хоть немного разбавить тишину, давившую на нее, и осипшим голосом начала читать:

– Дорогие драгомирцы! Я так рада, что мне сегодня оказана великая честь! Невзирая на мой возраст, я уже могу стоять рядом с участниками поединков...

Здесь Луна охнула вместе с многотысячной толпой.

«Нет, только не это! – стремительно пролетела в ее голове паническая мысль. – Так не должно быть... Это несправедливо, нечестно... Я не могу участвовать в поединках...»

Взяв себя в руки, она продолжила читать текст, написанный от ее лица.

– За мои заслуги... – Луна опять сбилась и покраснела. – За мои заслуги, – еще более севшим голосом повторила она, – Эссантия решила подарить мне возможность...

Рев толпы не дал ей договорить. Кто-то потрясал кулаками и кричал, что так нельзя. Но большинство зрителей вопили от радости, обнимались и кидали вверх цветы, которые принесли для участников поединков. Начались такие овации, которых Драгомир не слышал еще никогда. Любовь к Луне и благодарность за то, что она сделала для них, пересилили непонимание, и люди уже были уверены, что всегда мечтали, чтобы Эссантия дала девушке допуск к поединкам.

– Подождите! – вскричала Луна.

Дрожавшие буквы построились в слова, и ей удалось дочитать окончание.

– Подождите! Дослушайте до конца! – но ее голос потонул в овациях, сотрясавших трибуны.

Гелиодор, видя, что девушке нужна помощь, встал и гаркнул во все горло:

– Тихо-о-о-о!

Последний слог коротенького слова прокатился по трибунам штормовой волной, и драгомирцы втянули шеи и разом замолчали.

– Здесь написано, – торопясь и комкая слова от волнения, затараторила Луна, у которой гора свалилась с плеч, – что за мои заслуги Эссантия дарит мне возможность открыть поединки и быть их лицом! Мне дарована возможность наградить победителей и вручить им призы. А еще мой символ признан официальным символом Эссантии!

Луна смахнула слезу облегчения, вытерла вспотевшие ладони и тихонько выдохнула.

– О! – выдохнули вместе с ней драгомирцы.

Они уже забыли, как минуту назад радовались, думая, что Луна будет участвовать в поединках. Теперь все кивали и важно рассуждали о справедливости Эссантии. Быть лицом состязаний – великая честь. А то, что Эссантия признала символ Луны своим символом, – это вообще выше всяких похвал. По трибунам опять прокатился шквал эмоций и аплодисментов.

Луна перевела дух. Бледность уступила место румянцу глаза засияли. Девушка боялась даже представить себе, что бы случилось, если бы Эссантия действительно допустила ее к поединкам. У нее ведь нет ни изобретения, ни навыков, а главное, она не закончила ни одной магической школы и не сдала экзамены. Ее участие в состязаниях было бы несправедливым. Совсем другое дело – быть лицом поединков. Что же касается символа... на глаза Луны навернулись слезы гордости. Она глубоко вдохнула и торжественно произнесла:

– Объявляю первый этап поединков открытым. Давайте посмотрим, что приготовили участники! С нетерпением ждем ваших изобретений. Да поможет вам Эссантия!

Под аплодисменты Луна изящно слетела с ладоней (под надзором Эссантии ветер не рискнул над ней подшутить) и вернулась на трибуны к взволнованным родителям и Сентарии.

– Да уж, Эссантия обожает сюрпризы! – прошептал Александрит, приобняв дочь.

– Теперь я понимаю, откуда у драгомирцев такая любовь к шуткам и розыгрышам, – шутливо проворчала Луна.

Между тем участники собрались в центре огромной площади. Настала очередь жеребьевки, чтобы определить порядок выступлений. Перед ними появилась знаменитая шкатулка, из которой каждый вынул сверкающий шар. Сначала он был пуст, но стоило поднять руку с шаром вверх, как под лучами солнца на его блестящей поверхности проступала цифра.

Виолана, единственная девушка из всех, оказалась первой, следом за ней шел Аметрин, а Кианиту и Эгирину предстояло выступать последними.

После жеребьевки Эссантия спрятала солнце за облаками, чтобы оно не отвлекало зрителей, и первый этап начался. Участникам надлежало продемонстрировать такое изобретение, чтобы все ахнули. Оно должно было быть полезным для людей и в то же время поражать воображение. В предыдущие годы многие участники потерпели поражение на первом же этапе. Эссантия была придирчива и строга.

Нынешние участники, думая, что поединков не будет, забросили подготовку и были вынуждены за два дня наспех доделывать свои разработки. Конечно же, сейчас они волновались. Даже невозмутимый Аметрин был бледен, а обычно спокойный Эгирин мялся в ожидании очереди. Луна с Сентарией видели их переживания и посылали друзьям ободряющие взгляды, чтобы хоть немного их успокоить.

Виолана уже вышла на середину и готовилась к демонстрации, как вдруг лицо ее болезненно исказилось. Луна проследила за ее взглядом – и замерла. В первом ряду, скривив губы в снисходительной усмешке, восседала довольная Сильвина и нагло тарачилась прямо на бедняжку Виолану.

Луна толкнула Сентарию и возмущенно прошептала:

– Ты смотри! Явилась, не постыдилась!

Людам, сидевшим рядом с Сильвиной, явно было не по себе. Они чувствовали исходящее от нее недовольство и жались друг к другу, чтобы ненароком не соприкоснуться с ней.

Сильвина не обращала на соседей никакого внимания. Она прожигала Виолану ненавидящим взглядом и кипела от ярости, думая, что должна была оказаться на ее месте. Сильвина вспомнила, как с ней обошлась Криолина, и едва сдержала злые слезы.

После истории с Гиацинтом у Сильвины и ее родителей состоялся весьма неприятный разговор с Криолиной. Драгомирцы, узнавшие о ее предательстве, требовали серьезно наказать гордячку и даже заточить в темницу как сторонницу самозванца.

Но Криолина решила иначе. Она отправила Сильвину помогать чесальщикам шерсти, которые изготавливали прочное шерстяное волокно. Многие в этом процессе было механизировано – например, овец стригли при помощи специальных машинок, – но на последнем этапе для получения тончайшей шерсти нужно было вычесывать полученное руно вручную. Что и поручили Сильвине.

Криолина оказалась права, выбрав именно такое наказание. Гордости Сильвины был нанесен сокрушительный удар. В своих мечтах она видела себя как минимум хозяйкой модного ателье, которыми так славился Кристаллиум. Сильвина представляла, как сидит в кабинете в окружении толпы подчиненных девушек. Одна заваривает ее любимый чай, другая помогает сделать прическу, третья приносит пачки эскизов, которые Сильвина после беглого просмотра бросает на пол, отбирая самые изысканные модели. А лучшие платья, отобранные ею лично, шьются исключительно для нее...

А тут ее отправили на самое дно! Так, по крайней мере, казалось Сильвине. Заставили вычесывать вонючую овечью шерсть! Правда, шерсть пахла очень даже приятно. После вымачивания и очистки, а также нескольких предварительных вычесываний специальными аппаратами она пропитывалась замечательными лавандовыми запахами. И работать с ней было одно удовольствие. Мягкая, шелковистая, блестящая, она послушно скользила под металлическим гребнем. Обработанную шерсть отдавали дальше, на ткацкие фабрики, где из нее получали сначала нити, а затем ткани, из которых шились уютные пледы, мягкие одеяла и подушки. Из самых лучших нитей кружевницы вязали невесомые шали, которые так любили накидывать на плечи воздушные модницы, прогуливаясь среди облаков. Шаль не стесняла движений и в то же время хорошо согревала, что так важно наверху, где гораздо холоднее, чем внизу. Кроме того, спустившись с небес на землю, ее можно было легко сложить в крохотный ридикюль. Шаль совсем не занимала места.

Так что профессия Сильвины была востребована и уважаема в Кристаллиуме и за его пределами. Но только не для нее. Каждый день, возвращаясь домой, Сильвина тайно рыдала у зеркала, но послушаться разгневанной правительницы не смела.

Не успела она хоть как-то примириться с действительностью, как получила новый удар. Поединки. Сильвина не могла этого пропустить. Она явилась на площадь у портала одной из первых, чтобы занять лучшее место, и сейчас прожигала бывшую подругу ненавидящим взглядом.

дом. Почувствовав, что на нее смотрят, Виолана обернулась, встретилась глазами с Сильвиной и вздрогнула.

Луна, видевшая все это, вскочила и, сложив ладони рупором, закричала:

– Виолана! Виолана! Виолана!

Сентария подхватила, и через секунду все трибуны скандировали имя воздушной волшебницы. Девушка заметно приободрилась и показала, что готова.

Зрители расселись по местам и приготовились смотреть.

Перед Виоланой на длинном столе стояли огромная миска, куча каких-то пузырьков и непонятное устройство, похожее на две небольшие палки, соединенные веревкой. Виолана смешала содержимое пузырьков в миске, взяла палочки и опустила веревку в раствор. Немного подержав, вытащила, подняла палочки над головой и плавно взмахнула ими. В результате образовался самый огромный мыльный пузырь, который зрителям когда-либо доводилось видеть.

Все драгомирцы от мала до велика любили мыльные пузыри и славились мастерством их выдувания. Они умели с помощью трубочки делать двойные, тройные и даже четверные пузыри, но таких гигантов еще не видели.

Когда пузырь был готов, Виолана смочила тонкую трубочку в мыльном растворе и осторожно поднялась в воздух, зависнув над пузырем. Стараясь не дышать, она ввела трубочку в переливающуюся радужную стенку гигантского пузыря, приставила небольшую воронку и что-то насыпала внутрь. Затем убрала трубочку, поднесла ладонь к лицу и осторожно дунула. Пузырь, тяжело переваливаясь, словно откормленная утка, медленно поплыл по воздуху и застыл над ближайшей трибуной. Зрители замерли, задрав головы.

Виолана подлетела к пузырю и что-то шепнула кристаллианке, которая сидела в первом ряду с очаровательной девочкой на коленях. Та кивнула и, поднявшись с дочерью в воздух, разрешила ей лопнуть пузырь. Девочка без долгих раздумий ткнула пальчиком в радужный бок. Прозрачная оболочка мгновенно исчезла, а под ней осталась перламутровая пыль, которая долю секунды еще сохраняла форму шара, а потом блестящей волной хлынула вниз на зрителей. Невесомая пудра украсила волосы, лица, одежду, даже ресницы. Девушки и дети были в восторге. Мужчины реагировали более сдержанно, но и они оценили зрелище по достоинству.

Соседние трибуны возмущенно затопали ногами, требуя свою порцию волшебства. Виолана, улыбаясь, поспешила к ним. Ветер, любивший резвиться, принялся помогать девушке, гоня пузыри по всей площади и неожиданно лопаю их над головами зрителей. Не остановился он и перед трибуной правителей, сделав то, на что не решился бы ни один драгомирец. Глядя, как величественные фигуры осыпает беззаботная пыльца, зрители не могли сдержать улыбок.

Виолана тем временем надула еще один гигантский пузырь и, оставив его висеть в воздухе, взяла небольшой переносной контейнер со льдом. Выложив лед на доску, она ударила по нему молотком, и лед рассыпался. Затем Виолана взлетела и быстро сотворила небольшой, но злой и колючий вихрь, от которого так и веяло ледяным холодом. Подогнав вихрь к пузырю, она строгим голосом приказала ему остановиться. Тот хотел по привычке закапризничать, но, увидев тысячи глаз, устремленных на него, и вспомнив, что за происходящим наблюдает сама Эссантия, покорно стих. В таком состоянии драгомирцы видели своенравный ветер впервые. Он был похож на медузу, которая лениво шевелит щупальцами в толще воды.

– Зачем ей это? – недоумевали зрители.

Виолана тем временем собрала ледяные кристаллы обратно в контейнер, быстро поднялась в воздух, ввела трубочку в радужную стенку пузыря и через воронку насыпала кристаллы. Снежинки соскользнули вниз и начали медленно замораживать пузырь изнутри, тогда как снаружи его охлаждал усмиренный Виоланой ледяной вихрь. Зрители привстали, чтобы ничего не пропустить. Через минуту гигантский пузырь полностью замерз. По трибунам прокатился вздох восхищения. Это было невероятно. Огромная сфера, украшенная морозными узорами, висела в воздухе, поддерживаемая вихрем, который уже начал проявлять признаки нетерпения.

Виолана, видя это, подхватила с трибуны первого попавшегося ребенка. Это был очаровательный рыжий мальчуган с веснушками даже на оттопыренных ушах. Виолана с малышом на руках подлетела к пузырю. Мальчик поднес руку к ледяному боку. Пузырь тут же лопнул, и искрящаяся ледяная пыль усеяла все вокруг. Люди ахнули.

Ветер, поняв, что его миссия выполнена, закрутился и унесся ввысь, утащив за собой часть снежинок, которые затем медленно опустились на землю, создавая иллюзию настоящего снега. Зрители ловили мгновенно тающие кристаллики, пытаясь разглядеть их необычайную красоту. Удивительное зрелище, ведь в Драгомире не бывает зимы.

Изобретение Виоланы нельзя было назвать полезным с практической точки зрения, но девушка покорила сердца драгомирцев своим волшебством и искусством. Одна только Сильвина осталась равнодушной. Она демонстративно вытатила платок и, ворча, принялась вытирать руки и лицо, покрытые сверкающей пылью и снежинками. Но ее недовольство потонуло в общих овациях, и Виолана даже не заметила язвительных гримас бывшей подруги.

К тому же в этот момент из-за облаков на мгновение показалось солнце, и трибуны сотряс рев, ведь это означало, что Эссантия довольна и Виолана прошла в следующий тур. Девушка, улыбаясь, вспорхнула на постамент, откуда участники наблюдали за соперниками.

Настала очередь Аметрина. На площади все поменялось.

Убрали длинный стол и оборудование Виоланы, в центр друг за другом вышли несколько воинов. Один нес копье, другой меч, остальные были вооружены легкими луками, а за спиной у них висели колчаны, полные стрел. Все воины были в полном боевом облачении. Лица прикрывали стальные шлемы, а тело – кольчуги и прочные доспехи.

Аметрин же, напротив, оделся легко. На нем не было ни шлема, ни защитных доспехов, только простые черные брюки, такого же цвета футболка и непонятного назначения черные пластины, плотно обхватывающие руки.

– Что это значит? – обеспокоенно зашептала Сентария. – Не собирается же он выйти безоружным против воинов?

– Н-не знаю, – запнувшись, ответила Луна, тоже с тревогой глядя на друга.

Прозвучал сигнал, означающий, что время Аметрина пошло. Раздалась зловеющая дробь барабанов. Аметрин встал в центре площади, скрестив руки на груди, и кивнул первому воину, у которого было копье. Тот разбежался и изо всей силы метнул копье в юношу. Зрители в ужасе ахнули и вскочили с мест. Гелиодор с грохотом уронил стул.

– Что он делает? Он с ума сошел? Оно же сейчас пронзит его насквозь! – доносилось из толпы.

Сентария больно вцепилась в руку Луны и до крови закусил губу. Она хотела зажмуриться, но не могла.

Встревоженный Гелиодор быстро создал огненную сферу, прицелился и размахнулся, готовый сбить копье. До Аметрина оставались считанные метры.

И тут юноша слегка двинул левой рукой и из металлической пластины с громким шелчком выскочил складной щит. Аметрин прикрыл грудь щитом и принял удар копья. Он был настолько сильным, что юноша не устоял на месте и сделал несколько шагов назад. Толпа замерла, многие зажмурились, уверенные, что копье пробил щит и поразило юношу, ведь ни один щит не в силах выдержать такой удар.

Но Гелиодор торжествующе закричал:

– Вот это да! Разрази огонь мою бороду! Да чтоб мне сгореть на месте! Угли мне в печенку, если я когда-нибудь такое видел! Это вам не спички-свечки! – от восторга он не заметил, что немного переборщил с любимыми фразочками.

Зрители взглянули на поле и увидели целого и невредимого Аметрина, который улыбался, показывая целый и невредимый щит. Сломанное копье валялось чуть в стороне, всем

своим печальным видом признавая поражение. Воин, метнувший копье, уважительно показал большой палец, и трибуны ожили.

– Ну погоди, Аметрин! Вечером я тебе задам, – прошипела Сентария, к которой начал возвращаться нормальный цвет лица.

– Ты начнешь, а я продолжу, – добавила Луна, пытаясь успокоить колотящееся сердце.

Дальше Аметрин продемонстрировал возможности щита во время обстрела из луков. Со всех сторон в него летели горящие стрелы с хищно блестящими кончиками. Зрители заворуженно следили за происходящим. Щит легко складывался в пластину и не мешал Аметрину, который грациозными прыжками передвигался по площади, по очереди разоружая лучников. При виде стрелы Аметрин выпускал щит и ловко отбивал ее. Отмахиваясь от стрел, он быстро расправился со всеми лучниками, которые подняли руки вверх, признавая его победу.

Настала очередь воина с мечом. В отличие от Аметрина, он был в полном боевом облачении. Было страшно смотреть на то, как этот громила, позвякивая железом, надвигается на безоружного Аметрина. Некоторое время воины настороженно кружили друг возле друга, изучая противника и не делая попыток атаковать.

Наконец воин решился и сделал резкий выпад мечом, пытаясь плашмя ударить Аметрина по плечу. Видимо, он боялся покалечить юношу и поэтому начал атаку с такого, мягко говоря, неудачного приема. Аметрин, активировав щит, ловко отбил меч. Звон стали словно подстегнул воина. Он вновь атаковал. Аметрин так же легко отбил его выпад щитом. Разозлившийся воин опять повторил попытку, но его меч снова не достиг цели.

Так могло продолжаться до бесконечности. Аметрин, не скованный доспехами, был неуловим, и более неповоротливый противник никак не мог его достать. Меч все время наткался на щит, который, как уже все поняли, был сделан из какой-то неизвестной неуязвимой стали.

Сентария и Луна уже устали смотреть на это зрелище и мечтали о том, чтобы оно побыстрее закончилось. Невозможно долго наблюдать, как на щит твоего друга обрушивается настоящий боевой меч, который к тому же держит в руках один из самых опытных воинов Драгомира. Если бы Аметрин был в доспехах, кто знает, как бы повернулся бой. Пока только скорость и ловкость позволяли ему отражать атаки огненного воина, которые становились все настойчивей.

Однако наконец девушки заметили, что воин начал уставать. Доспехи давили ему на плечи, а шлем не давал нормально дышать. Пот заливал глаза, дыхание сбилось. Дождавшись, когда воин устало опустит щит, которым все время прикрывал грудь, Аметрин сделал резкий выпад, и из металлической пластины, закрывавшей правую руку от запястья до локтя, вылетел, тускло сверкнув, короткий меч, длиной не более тридцати сантиметров.

Приставив меч к шее противника, Аметрин едва сдержал ликующий вопль. Зато зрители сдерживаться не стали, и восторженный рев сотряс трибуны. Эссантия, по всей видимости, была ошеломлена не меньше драгомирцев, потому что убрала облако, показывая свое восхищение, а потом забыла вернуть его на место.

Так что на площади в прямом и переносном смысле стало жарко. Огненные воины скандировали имя Аметрина. Уж они-то по достоинству оценили его изобретение, а Гелиодор и вовсе не усидел на месте. Снова опрокинув стул, он широкими шагами подбежал к юноше, чтобы лично разглядеть и пощупать меч и щит. Оценив остроту меча и крепость щита, он удовлетворенно хмыкнул и хлопнул огромной ручищей Аметрина по спине, чуть не выбив из него остатки сил. Эссантия, словно очнувшись, убрала солнце, и зрители вздохнули с облегчением. Было очевидно, что Аметрин проходит в следующий тур.

После того как овации стихли, выступили еще пять участников. Четверо безнадежно провалились. Их изобретения были скучны и неинтересны. Драгомирцы пытались сдержать

зевоту, лениво обмахивались прихваченными с собой веерами и попивали через соломинку прохладный лимонад. Люди, наблюдающие за поединками через зеркала, вообще занимались своими делами, а некоторые даже дремали.

Лишь Дравит прошел в следующий этап, показав сложный состав удобрения, с помощью которого растения росли с небывалой скоростью. Эссантия и смарагдианцы оценили его изобретение. Но остальные зрители уже откровенно зевали. Все ждали зрелищ.

Когда настала очередь Кианита и Эгирина, на которых драгомирцы возлагали много надежд, в руки Луны неожиданно упал новый свиток. Вспомнив, что она вообще-то распорядительница поединков, девушка встала и в наступившей тишине сломала печать. Прочитав написанное, она вздохнула и объявила:

– Перерыв на один час!

– У-у-у-у, – разочарованно отозвалась толпа.

Но спорить с Эссантией никто не стал. Решив, что им действительно не мешает размяться, драгомирцы поднялись с мест, чтобы прогуляться и поболтать друг с другом.

Луна с Сентарией побежали к друзьям в небольшой шатер. Они хотели успеть перекинуться с ними парой слов и поддержать Кианита с Эгирином, у которых испытания были еще впереди.

Стефан ограничился тем, что похлопал приятелей по плечам, и унесся, размахивая блокнотом. Он торопился опросить зрителей. Проводив взглядом его фигуру, увенчанную растрепанной прической, девушки улыбнулись. С каждым днем Стефан все больше погружался в этот мир и был настолько увлечен, что это не могло не вызывать умиления.

7

– Как не вовремя перерыв, – сокрушался взволнованный Кианит.
– И не говори, целый час ждать, – подхватил Эгирин, уставший маяться в ожидании.
– Тоже не пойму, зачем Эссантии понадобилось делать перерыв, – раздался капризный голосок. – Можно подумать, за час вы поумнеете, ха-ха-ха.

Друзья с недоумением воззрились на вошедшую Сильвину Пока продолжались выступления, она то и дело прожигала Сентарию с Луной презрительными взглядами, но этого ей, видимо, показалось недостаточно, и теперь она заявила в шатер участников.

Впрочем, на девушек она больше не обращала внимания. Сильвина приняла самую выгодную позу – в полупрофиль, чтобы тень от ресниц изящно падала на щеки, делая лицо загадочным. Она слегка выставила вперед бедро и протянула с придыханием:

– Аметри-и-ин, ты та-а-акой мужественный. С ума сойти! Я чуть не умерла от страха. Особенно когда в тебя летело это огромное копьё. Ах! Сердце так и замерло! А как ты расправился с лучниками... Это было потрясающе!

– Спасибо, – без тени вежливости буркнул Аметрин и демонстративно отвернулся.

Даже его спина выражала возмущение и негодование. Но Сильвину это не смутило. Неслышно обойдя Аметрина, она приблизилась к Эгирину, который смерил ее угрюмым взглядом.

– Удачи тебе, Эгирин. Знай, что с моей удачей ты обязательно победишь, – промурлыкала она.

– До этой секунды я надеялся на победу. А теперь не совсем в ней уверен, – резко бросил Эгирин.

Сильвина, словно ничего не слыша и не видя, широко улыбнулась и подошла к Кианиту. Она положила руку ему на плечо, тот непроизвольно дернулся, сбросил ее ладонь и быстро отошел в сторону. Но не успела Сильвина открыть рот, как вмешалась Сентария, которой надоело смотреть на это представление:

– Слушай! Что тебе здесь надо, а? Ты же видишь, никто тебе не рад. Иди откуда пришла.

– Кианит, – прошептала Сильвина, сделав вид, что ничего не слышала. – Тебе я тоже желаю успеха. Ты должен победить!

– А ничего, что минуту назад должен был победить Эгирин? – усмехнулся Кианит. – Какая ты, однако, кхм-кхм, непостоянная в своих пожеланиях.

– Он не захотел принять мою удачу, – хмыкнула Сильвина, – поэтому я передаю ее тебе.

– Как-нибудь обойдусь, – процедил Кианит. – И Сентария права. Не хочу грубить, но иди уже куда-нибудь подальше. Тебе и правда здесь не рады.

Сентария тем временем набрала полную грудь воздуха, собираясь еще что-то сказать, но Аметрин взял ее за руку и успокаивающе сжал ладонь, а затем добавил, обращаясь к Сильвине:

– Можешь больше ничего не говорить. Никто не хочет тебя слушать. И твои пожелания никому не нужны. Так что да. Лучше уходи.

Сильвина изменилась в лице. Кокетливое выражение словно стерли, и на его месте проступила откровенная злоба. Она сморщилась и прошипела:

– Ну и ладно. Можно подумать, вы сами кому-то нужны. Тем более мне. Да плевать я на вас хотела. Вы должны быть благодарны за то, что я вообще обратила на вас внимание. Вы все сегодня проиграете. Все! В этом году не будет победителя в поединках, потому что там нет меня!

– Да ты!.. – рванулась Сентария, но Аметрин удержал ее и угрожающе нахмурил брови.

Сильвина высокомерно отвернулась и вышла из палатки, чуть не сбив с ног Виолану, которая с болью смотрела на бывшую подругу.

Когда она ушла, друзья несколько минут молчали, окутанные ядовитым облаком враждебности.

– Из-з-звините, – прошептала Виолана; в ее огромных глазах стояли слезы.

– Вот еще придумала, – тут же отреагировал Кианит, подходя к девушке. – Тебе не за что извиняться. Ты-то тут при чем?

– Откуда в ней столько злости? Как я раньше не замечала этого?

– Ты любила ее. А люди, когда любят, слепы. Она же тебе была как сестра.

Виолана вздохнула и сквозь слезы вымученно улыбнулась друзьям. Луна решительно подошла к ней и, взяв за руки, энергично сказала:

– Хватит сырость разводить! И вообще, кто у нас сегодня молодец? Ты молодец! Такое зрелище приготовила!

Друзья наконец-то высвободились из гнетущей атмосферы и радостно заговорили, обсуждая изобретения друг друга. Ядовитое облако злобы еще немного повисело над ними, но, поняв, что его больше никто не замечает, вздохнуло и рассеялось без следа.

Отведенное на перерыв время пролетело незаметно, и вскоре прозвучал сигнал. Еще раз пожелав друзьям удачи, только, в отличие от Сильвины, от всей души, девушки заторопились на трибуны, по пути прихватив Стефана, еще более растрепанного, чем час назад. Он успел обежать немало зрителей и записать их впечатления, пока они еще были свежими.

Дождавшись, когда зрители займут места, Луна объявила о продолжении поединков. На середину площади вышел взволнованный Кианит. Его изобретение было сложным с технической точки зрения. Он представил зрителям аппарат, который доставила в центр площади сотворенная им гигантская волна. Кианит объяснил, что с помощью его изобретения любой сможет совершать погружения под воду.

По конструкции устройство напоминало надутую рыбу фугу⁵ с вытарашенными глазами, тело которой служило кабиной, а глаза – иллюминаторами. Внутри помещался большой пузырь, наполненный воздухом для дыхания.

Ученые и правители не усидели на своих местах и окружили чудо-машину. Кианит объяснил, что на создание аппарата его натолкнул лунфилет. Если драгомирцы покорили воздух, то почему бы не дать им шанс познакомиться поближе и с водным миром?

В изобретении Кианита обнаружились некоторые недоработки, все-таки он был еще слишком молод и неопытен, однако ученые сошлись во мнении, что идея отличная. Ее можно будет усовершенствовать, и мечта многих драгомирцев увидеть подводный мир осуществится.

Эссантия тоже оценила изобретение Кианита, о чем свидетельствовало вышедшее на пару минут солнце. Кианит был допущен к следующему этапу при условии, что он доработает свой аппарат совместно с учеными Драгомира.

Не успели смолкнуть аплодисменты, как на площади появился Эгирин. У него не было ни стола для экспериментов, ни чудо-аппарата, ни вооруженных воинов. Его не сопровождали всполохи огня, как у Аметрина, струи воды, как у Кианита, с неба не сыпалась сверкающая пыльца, как у Виоланы. Не было ни цветов, ни боя барабанов, ни торжественной музыки, чтобы усилить эффект. Ничего не было. Он был один и немного смущенно остановился перед трибунами.

Глубоко вздохнув, Эгирин оглядел ряды зрителей, которые в предвкушении очередного чуда даже привстали. Но он не двинулся. Он просто стоял и, как будто напряженно думая, сжимал и разжимал кулаки.

⁵ Рыба фугу – рыба, способная в момент опасности раздуваться, тем самым в 3–4 раза увеличивая первоначальные размеры. Она заполняет эластичный желудок водой или воздухом (если находится за пределами воды) и приобретает форму шара.

– Ну же, Эгирин, – поторопила его Цитрина. – Твоя очередь. Продемонстрируй нам свое изобретение.

Эгирин громко вздохнул и попросил принести стул. Организаторы поединков быстро выполнили его просьбу, и вот одинокий стул стоял около не менее одинокого Эгирина. Все это смотрелось странно и нелепо. А где же зрелища, фейерверки, хоть что-нибудь? Вновь повисла неловкая пауза. У Луны от переживаний свело спину между лопатками, а ладони стали липкими. Всем сердцем она была с Эгирином.

Пауза затягивалась. Драгомирцы начали изумленно переглядываться.

«Неужели сын великой ведьмы и серьезного ученого ничего не смог сделать и сейчас провалит этап с позором?» – с тревогой думали они.

Сардер промокнул платком лоб, на котором выступила испарина. Янтария затаила дыхание. Они, как и остальные зрители, не знали, что придумал их внук.

Эгирин вновь вздохнул и тихо сказал:

– Добрый день!

Зрители опять переглянулись. Нашел время здороваться.

– Я заранее прошу у всех вас прощения!

Зрители вперили в Эгирина недоуменные взгляды. По рядам пролетел еле слышный ропот.

– Очень прошу не удивляться тому, что я сейчас сделаю. Вы все поймете. Обещаю.

А это уже интереснее. От любопытства некоторые вскочили и стали криками подбадривать Эгирина, который продолжал нерешительно мяться около стула.

– Давай уже, а!

– Покажи, что ты придумал!

– Хватит тянуть! – полетело с разных сторон.

Пододвинув стул, Эгирин начал медленно раздеваться. Он аккуратно снял белоснежную мантию, оставшись в черных брюках и светлой рубашке. Повисла тишина. Драгомирцы с изумлением смотрели на него. Эгирин еще раз обвел публику взглядом и начал расшнуровывать высокие ботинки. Разувшись, он поставил ботинки у стула, на них сверху водрузил носки. Затем, пытаясь справиться с волнением, скатал носки и затолкал их в ботинки.

– Что он делает? – зрители начали громко перешептываться.

Цитрина поправила прическу и нервно спросила:

– Эгирин! Мальчик мой! Ты точно уверен, что для демонстрации тебе не нужны ботинки?

Эгирин обреченно кивнул и быстро снял с себя рубашку, а затем и брюки, оставшись в черных хлопковых трусах и майке.

Зрители стали посмеиваться, а девушки дружно ахнули. Самые смелые кристаллианки даже взлетели в воздух, чтобы было лучше видно. Они начали кидать в Эгирина цветы и игриво восклицать:

– Вот это да!

– Незабываемое зрелище!

– Чур, я с ним иду на свидание! Прямо сегодня! – одна из молоденьких кристаллианок практически вылетела на площадь.

Луна невольно сжала кулаки. Ей так и хотелось одернуть нахалку. На ее счастье, в дело вмешалась Криолина, одним взглядом наведя порядок.

Эгирин, слыша все это, густо покраснел. Закусив губу, он быстро снял майку. Сардер вскочил и закрычал:

– Эгирин, что ты делаешь? Немедленно оденься!

Тот грустно посмотрел на деда и только развел руками.

Быстро взяв из кармана рубашки небольшой шарик, он раздавил его между пальцами над головой и в ту же секунду исчез. Остались только черные трусы, странно висящие в воздухе. Это выглядело так нелепо и необычно, что драгомирцы на несколько минут потеряли дар речи.

Им, конечно, не привыкать к летающим предметам. Они насмотрелись на висящие в воздухе вазы, летающие будильники, передвигающиеся тарелки, которые сами приземлялись на положенное им место. Все это постоянно демонстрировали кристаллианцы, которые не упускали возможности показать свой дар в действии. Но такого они еще не видели никогда. Летающие черные трусы стали для них событием года. Умом они понимали, что внутри них, так сказать, по-прежнему Эгирин и он никуда не делся, а стал невидимым, но отказывались в это верить.

Сказать, что трибуны онемели, значит не сказать ничего. Молчали все: и зрители, и правители, и старейшины, и Луна с Сентарией. Драгомирцы в эту секунду были похожи друг на друга. Приподнятые брови, которые уползли чуть ли не за пределы лба, вытаращенные глаза, приоткрытые рты, сияющие вытолкнуть хоть какой-нибудь звук, будь то «о-о-о», или «ба-а-а», или сложное «ого». Руки замерли у лиц, крепко прижатые к щекам, а головы синхронно качались влево-вправо. Словно тысячи близнецов пришли на поединки.

Между тем черные трусы немного полетали над площадью, затем Эгирин в обратном порядке начал одеваться. Брюки сами по себе взметнулись в воздух и, словно наполнившись воздухом, приняли форму тела, которое никто не видел. Через минуту рубашка заняла положенное место. Не говоря ни слова, драгомирцы смотрели, как сами по себе застегиваются пуговицы. Надев носки и зашнуровав высокие ботинки, фигура человека без рук и головы церемонно поклонилась и застыла в ожидании, когда зрители придут в себя.

Первым не выдержал Сардер. Стремительно спустившись с трибуны правителей, он практически бегом приблизился к внуку и опасно ткнул пальцем в то место, где, по его предположению, должна была быть щека. С облегчением он ощутил живое тепло.

– Ай! – возмущенно воскликнул Эгирин из пустоты. Не каждому понравится, когда тыкают пальцем прямо в щеку в опасной близости от глаза.

– Что это такое? – спросил Сардер. – Что ты на себя высыпал? Я видел, как ты раздавил стеклянный шарик.

– Я назвал изобретение «пыльца-невидимка», – ответил Эгирин.

Голос был абсолютно обычным и таким родным, что у Луны даже немного екнуло сердце. Она до сих пор не могла поверить, что внутри одежды Эгирин. Как и большинство драгомирцев, девушка думала, что это какой-то фокус.

– И долго она действует? – не обращая внимания на возмущение внука, Сардер продолжал ощупывать его.

– Двенадцать часов. Я не успел продумать две вещи: как отменить невидимость раньше и что делать с одеждой. На ткань мое изобретение не действует. Только на живой объект.

– Спасибо, что хоть не разделся полностью, – хмыкнул Сардер, который, несмотря на сарказм, был под большим впечатлением.

Правители тоже не усидели на местах, в этот раз к ним присоединились и старейшины. Они окружили невидимого Эгирина, и каждый счел своим долгом ткнуть в него пальцем, чтобы убедиться, что юноша действительно здесь.

– А я думаю, надо было раздеться. Твое летающее белье немного подпортило эффект, – невозмутимо заявила Цитрина.

Лица Эгирина не было видно, но все и так догадались, что он покраснел. Рукава рубашки взлетели в воздух, выражая сожаление.

Александрит попросил правителей и старейшин отойти в сторону и неожиданно окатил Эгирина водой, чтобы все зрители, не имевшие возможности потрогать юношу, смогли убедиться в том, что это не фокус. На мгновение вода обрисовала очертания молодого чело-

века, который поднял руки, защищая лицо, отплеываясь и отфыркиваясь при этом. Одежда намочилась, и до людей стало постепенно доходить, что внутри нее действительно живой человек и это никакая не иллюзия. Это настоящее волшебство.

– Хоть бы предупредили, – проворчал Эгирин, ероша невидимыми ладонями невидимые волосы.

– Ничего! Не сахарный, не растаешь! – ни капли не смутился Александрит. – Дорогая, – обратился он к жене, – подсуши его, пожалуйста, а то мальчик немного продрог.

Нефелина, лукаво улыбнувшись, тут же выпустила озорной ветер, который теплом мгновенно высушил одежду, не забыв при этом немного потрепать юношу.

Сардер склонился к внуку и тихонько спросил:

– Мальчик мой, а где все твои записи?

Выслушав ответ, он тут же передал информацию Криолине, которая кивнула и в сопровождении двух придворных стремительно улетела в сторону Смарагдиуса. Эгирин так же тихо спросил у деда:

– Куда это она?

– За твоими записями, – шепотом объяснил Сардер. – Как ты понимаешь, их нельзя оставлять без присмотра.

Пока они переговаривались, Эссантия, признавая величие открытия, сделанного учеником, озарила все вокруг ярким солнечным светом, и трибуны утонули в овалциях.

Первый день поединков закончился, и зрители начали потихоньку покидать места, глядя на Эгирина, который по-прежнему стоял без головы и рук. Правители и старейшины взяли Эгирина и, не дав ему даже пообщаться с друзьями, поспешно погрузились в лунфилет и полетели в Манибион.

Они спешили надежно спрятать черновики Эгирина, которые лежали в домашней лаборатории Луны, а потом уже все детально обсудить. Луна с Сентарией разочарованно посмотрели вслед лунфилету, вздыхая, что для них тайна пока останется тайной, и вместе с друзьями заторопились в Манибион пешком. Все как один были под впечатлением от изобретения Эгирина. И, конечно же, хотели попробовать его на себе.

Довольная Эссантия вернулась в Валоремию, чтобы отдохнуть после насыщенного дня. Любуясь золотистыми пылинками, которые, радуясь возвращению хозяйки, плясали в солнечном луче, она и не заметила, что в танце у пылинок появился партнер. Крохотный тонкий завиток, который скручивался в спираль и раскручивался длинной нитью. Незаметной тенью он скользил среди пылинок, и они шарахались от него. Но Эссантия думала, что пылинки просто танцуют. Она не замечала страха, поселившегося среди них.

В это время правители и старейшины закрылись в главном зале советов дворца целителей. Невидимый Эгирин, которого они могли видеть лишь благодаря одежде, стоял в центре. Цитрина медленно подошла к нему.

– Ты хоть понимаешь, какое великое открытие сделал? – спросила она.

Эгирин кивнул, а потом, спохватившись, что его головы не видно, ответил немного севшим от волнения голосом:

– Да!

– Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что рецепт твоего изобретения, в отличие от всех остальных, надо сохранить в полной тайне?

Эгирин вновь кивнул.

– Да, понимаю, – поспешно добавил он.

– Если твое открытие попадет в руки врагов, то Драгомиру придется несладко. Поэтому ты прямо сейчас должен передать нам все записи.

– Конечно, как скажете, – тоскливо согласился Эгирин, которому хотелось продолжить эксперименты.

– А теперь расскажи, как ты к этому пришел.
Эгирин вздохнул и, немного волнуясь, начал рассказ.

На изобретение пыльцы-невидимки его натолкнули, сами того не подозревая, Сентария с Ониксом. Через несколько дней после того, как Эгирин поселился в Смарагдиусе, они провели ему обязательное посвящение в земные чародеи, придуманное старшими учениками.

Идея посвящения родилась после того, как селекционеры вырастили целовальник гостеприимный – цветок с весьма своеобразным характером и одной милой привычкой, о которой новичкам никто, конечно же, не рассказывал. Сардер, знавший об этом, только посмеивался и разрешал использовать целовальник для обряда.

Сентария с Ониксом отвели ничего не подозревающего Эгирина в экспериментальную часть сада и толкнули в объятия гостеприимного цветка, который так обожал гостей, что утаскивал их в свой бутон.

Эгирин был возмущен, что после встречи с гостеприимным цветком ему пришлось ходить весь день перемазанным в сверкающей пыльце.

«Вот бы пыльца была невидимой, тогда я бы не выглядел посмешищем», – эта мысль прочно засела в его голове, и он несколько недель экспериментировал в кабинете Сардера.

Однако ничего не получалось придумать, пока Эгирин случайно не наткнулся в записной книжке отца на описание одной интересной породы рыб, открытой ученым-сафайрианцем.

Ученый принес рыбу Мориону для изучения, и тот с недоумением смотрел в пустой аквариум, не понимая, чего от него хочет взволнованный сафайрианец. Лишь бросив щепотку корма, он вдруг увидел, как в аквариуме появляется настоящая рыба.

После долгого изучения Морион сделал вывод, что в чешуе этой рыбы содержится особый исчезающий пигмент, который в случае опасности делает ее невидимой. Кроме того, чудочешуя могла менять цвет в зависимости от обстановки: становилась желтой, если рыба прижималась к песчаному дну, зеленой, если пряталась в водорослях, и прозрачной, если рыба висела в толще воды.

Удивительное морское существо назвали рыбой-невидимкой. Морион сохранил ее высушенную чешую. Теперь неизвестно, что он хотел с ней сделать, так как внезапная гибель не дала ему продолжить исследование.

Эгирин нашел высушенную чешую, растолок ее в глиняной ступке до состояния мелкого песка, а затем добавил к ней пыльцу целовальника гостеприимного. Видимо, чешуе чудо-рыбы такое соседство показалось опасным, и она просто исчезла. Но при этом сделала невидимой и пыльцу целовальника, которая обладала способностью мгновенно покрывать все, к чему прикасалась.

Результат поразил Эгирина настолько, что он даже забыл, как дышать. Потом попытался успокоиться и сделал глубокий вдох, глядя на пустую чашку. Он осторожно нащупал невидимый порошок, растер его между пальцами и через мгновение ослепенело смотрел на пустоту, появившуюся на месте большого, указательного и среднего.

Чтобы скрыть пропажу пальцев от любопытных друзей, Эгирин обмотал руку бинтом и сказал, что порезался. Утром он нетерпеливо снял повязку и с облегчением обнаружил, что пальцы стали вновь видимыми. Таким образом он сделал вывод, что пыльца-невидимка действует столько же времени, сколько пыльца целовальника держится на человеке, то есть двенадцать часов.

У изобретения был только один недостаток. Чтобы стать невидимым, нужно было раздеться, так как пыльца не пачкала одежду, а покрывала только кожу. Эгирин пока не знал, как решить эту проблему. Однако правители и старейшины и без того были впечатлены до глубины души.

Все его записи спрятали в надежном тайнике, и Сардер намеревался уже на следующее утро заняться дальнейшей разработкой открытия. К экспериментам решили допустить только самых преданных и проверенных ученых. Кто знает, какие мысли могут возникнуть у людей, видевших сегодняшнюю демонстрацию. Вполне возможно, что найдутся охотники воспользоваться невидимостью для каких-то личных целей. Поэтому состав пылицы-невидимки должен храниться в глубочайшей тайне.

Когда они добрались до дома, стояла уже глубокая ночь, и Сардер тут же отправил внука спать и набираться сил после тяжелого дня. Силы ему понадобятся, ведь через две недели поединки продолжатся, и никто не знает, что приготовила Эссантия для участников. Второй и третий этапы всегда были сюрпризами даже для правителей.

Эгирин поплелся спать, вздыхая, что не удалось покрасоваться перед друзьями. Накануне он неоднократно представлял себе, как будут изумляться и ахать Луна с Сентарией, и теперь жалел, что сразу после поединков ему пришлось уехать с правителями.

Через пару минут майка и черные хлопковые трусы удобно устроились на кровати, вызвав возмущение Чиру, которая немного побаивалась подопечного в таком виде. Не прошло и пяти минут, как пустая подушка начала издавать мощный храп, от которого хранительница немного подпрыгивала.

8

Потянулись две недели до следующего этапа поединков. Выбывшие участники, с одной стороны, расстроились, но с другой – с облегчением вздохнули. Ведь нет ничего хуже ожидания, тем более когда не знаешь, что впереди. Если с первым этапом все было понятно, каждый участник демонстрировал свое изобретение, то второй всегда оказывался полной неожиданностью для всех. Изобретательная Эссантия умудрилась ни разу не повториться. Участников могло ждать все что угодно, начиная от испытания страхом и заканчивая вопросами на эрудицию.

После этого этапа выпускники становились финалистами. И тогда начиналась настоящая гонка. Но до финала мало кто доходил. Долгое ожидание и неизвестность изматывали участников, и почти все подходило ко второму этапу на пределе нервов, а в поединках главное – ясность ума и спокойствие. Эссантия не раздавала дары просто так. Их нужно было заслужить.

Аметрин, Кианит и Эгирин были немного раздражены и старались не попадаться друг другу на глаза. Ждать вместе оказалось еще труднее, чем по отдельности. Кианит с Эгирином с головой ушли в доработку изобретений, а Аметрин оттачивал боевые навыки в компании Луны и Сентарии, которая после поединков немного оттаяла и уже более любезно разговаривала с юношей, почти простив его невнимательное отношение к себе.

Луна спускалась вниз в самом радужном настроении. Вот-вот должен был приехать Аметрин, а следом и Сентария. Они запланировали длинную прогулку по Манибиону, на которую их давно подбивал Стефан.

Наскоро перекусив, девушка побежала в сад. Любимым местом Стефана была та самая беседка, которая хранила уже немало романтических тайн, дипломатических переговоров и даже военных стратегий.

Луна не ошиблась. Стефан действительно был в беседке. Проснувшись рано утром, он поспешил в сад, чтобы записать накопившиеся наблюдения. Только здесь он мог уединиться, ведь вокруг целый день крутились любопытные драгомирские девушки, которым хотелось поглазеть на пришельца из мира по ту сторону земли. Да какого пришельца! Который поразил самого Гиацинта, столько лет скрывавшегося в тени Обсидиана. И пусть он не убил предателя напрямую – тот сам нашел свою смерть, – все равно девушки считали Стефана героем. Тем более он не боялся черных книг!

Поток любопытных девиц вокруг гостя не иссякал, что крайне раздражало Луну. Она терпеть не могла жеманных красавиц, которые манерно растягивали гласные и хлопали ресницами так усердно, словно хотели создать небольшой ураган. Стефан некоторое время упивался всеобщим вниманием. Но вскоре оно ему надоело, так как мешало работе.

Поначалу ему было тоже любопытно посмотреть на них. Ведь не каждый день встретишь девушку, которая запросто переплывает море, или поднимается над облаками, или разжигает огонь одним взглядом, или мило беседует с самым свирепым животным.

Кроме того, все драгомирцы необыкновенно красивы, и Стефан, не стесняясь, любовался прелестными созданиями, что веселыми стайками порхали вокруг него.

Но больше его интересовал все-таки сам Драгомир – история возникновения, культура, оружие, достижения и многое другое. В отличие от вечно занятой Луны, времени у Стефана было много, и, обложившись книгами, он с удовольствием знакомился с этим интересным миром.

Вот и сегодня, взяв в библиотеке увесистый том, он пошел в беседку. В полной тишине, нарушаемой лишь пением птиц да шорохом листвы, он с головой погрузился в чтение, как

вдруг чьи-то прохладные руки закрыли ему глаза. Вздвогнув от неожиданности, он хотел вскочить, но вкрадчивый голосок пропел в ухо:

– Угадай кто?

– Откуда я знаю, – злясь на собственный испуг, грубовато ответил Стефан.

– А ты подумай!

– Может, не будем утомлять друг друга перечислением всех моих знакомых девушек? – сухо спросил Стефан.

– Фу... Какой ты бука... – укоризненно протянул голосок. – Я думала, что мужчины из мира по ту сторону земли настоящие джентльмены, а они настоящие грубияны.

Руки исчезли, Стефан заморгал, прогоняя темноту из глаз, и увидел абсолютно незнакомую девушку, которая грациозно присела на скамейку напротив. Она разглаживала складки на открытом белоснежном платье, украшенном затейливой вышивкой голубого и синего цвета, и, капризно надув губы, смотрела на юношу.

Стефан в изумлении разинул рот. Он знал, что выглядит глупо, но, к своему ужасу, ничего не мог с этим поделать. Он пытался закрыть упрямый рот, но тот через мгновение вновь открывался. В довершение ко всему юноша еще и онемел от восторга. Перед ним сидело самое прелестное создание в мире.

«Во всей вселенной», – мысленно поправился он, ведь только ему известны целых два мира, а кто знает, сколько их еще?

Нет, конечно, Луна бесспорно лидировала среди всех красавиц, но она была недостижима, как звезда на небе, и Стефан позволял себе лишь украдкой любоваться и тайно вздыхать. А сидящая перед ним девушка была более земной, если, конечно, так можно сказать о воздушной красавице. Ее пышные волосы, мягкой волной окутавшие плечи, не оставляли сомнений в принадлежности к кристаллианцам. Кроме того, она сидела вполборота, и Стефан успел увидеть на левой лопатке символ, выложенный из кристаллов. Он не разглядел саму картинку, что еще больше разожгло любопытство.

Девушка и не думала стесняться, а наоборот, продолжала сидеть, меняя позы и кокетливо поглядывая на ошарашенного Стефана. Была ли она довольна произведенным эффектом? Конечно да. Даже не так, а: да, да, да! Давно ее не баловали вниманием, отчего она страдала.

– Меня зовут Сильвина, – нежно пропела она, протягивая холеную белоснежную руку для приветствия.

– Э-э-э, – Стефан судорожно пытался вспомнить свое имя, но в голове не было ни единой мысли, кроме сомнения в собственных умственных способностях.

– Мне тоже очень, очень, очень приятно познакомиться, – с придыханием на каждом слове «очень» произнесла Сильвина, загадочно улыбаясь.

– Э-э-э, – ответил Стефан, решивший оставаться верным выбранному стилю общения.

– А ты, как я понимаю, Стефан? – спросила Сильвина.

– Он самый. Это ответ на твой вопрос и следом вопрос от меня: что ты тут делаешь и что тебе нужно? – в их очаровательный, а главное, содержательный диалог вмешался чей-то третий, причем весьма раздраженный голос.

В один миг волшебство разбилось вдребезги, Стефан закрыл рот и обрел дар речи. На них с презрительной гримасой смотрела Луна. За ее спиной маячил хмурый Аметрин, с которым девушка встретилась у входа в сад. На его лице застыло непонятное выражение. Там были и удивление, и презрение, и затаенная боль. Сильвина теперь ассоциировалась у него с отцом. А вспоминать о нем Аметрин не любил. Он злился на Сильвину Мало того что она заявила на поединки, не забыв почтить бывших друзей своим визитом, так еще и пришла в сад Манибиона, что было вообще верхом цинизма.

– Я повторяю вопрос: что тебе здесь нужно? – чеканя каждое слово, произнесла Луна.

В ее голосе было столько ярости, что Стефан невольно поежился.

– А что такое? Манибион стал твоим личным петрамиумом? – Сильвина высокомерно подняла брови. – К твоему сведению, девушка из мира по ту сторону земли... – эта фраза прозвучала с нескрываемым сарказмом, – ..у нас в Драгомире любой человек может пойти туда, куда ему захочется.

– Не знаю, как там *у вас* в Драгомире, а вот *у нас* в Драгомире предателям не рады. В любом месте, – процедила Луна, в упор глядя на Сильвину.

Та не обратила никакого внимания ни на взгляды, ни на слова. Она встала и, медленно обойдя скамейку, на которой все так же застывшим изваянием сидел Стефан, зашла ему за спину и приобняла за плечи.

– Не беспокойся, – бросила она Луне, обдав Стефана запахом невероятных духов, – я пришла не к тебе.

Стефан вдохнул упоительный запах и вновь потерял способность думать. В голове были волнующая легкость и восхитительная пустота. Сильвина выпрямилась, из-за чего он неподдельно расстроился, но не отошла и собственническим жестом положила руки ему на плечи. Скосив глаза, он разглядывал тонкие пальцы с миндалевидными ногтями, покрытыми нежным лаком. На кончике каждого ногтя красовался крохотный кристалл, из-за чего они блестящие. Стефану ужасно захотелось потрогать эту ладонь и убедиться, что перед ним реальная девушка.

Луна сжала кулаки. Видеть эту самодовольную физиономию в сочетании с глупой улыбкой Стефана было выше ее сил.

– Уходи отсюда, – сквозь зубы процедила она. – Иначе я за себя не отвечаю. Думаешь, я забыла, что именно ты рассказала Гиацинту о портале? Думаешь, хоть кто-то об этом забыл? Ни один драгомирец не желает видеть тебя. Ты предательница, и только возраст позволил тебе избежать наказания.

– Ой, ну знаешь ли... – презрительно протянула Сильвина. – Я тебя сюда и не звала. Ты сама пришла и... между прочим, помешала нам. Так что это ты убирайся. Разве не видишь, ты тут лишняя?

Ее хранитель принял угрожающую позу, широко растопырив крылья. Когда-то, при знакомстве с Сильвиной, эта красивая птичка – редкий вид колибри с поэтическим названием дивный шпательтэйл⁶ – очень понравилась Луне. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Характер у Лодди был под стать его подопечной. Поэтому несмотря на то, что он был, казалось, создан для восхищения, его, как и Сильвину, никто не любил.

Фиччик, которому, в отличие от Луны, хранитель Сильвины не понравился с первого взгляда, встал в бойцовскую стойку, угрожающе наострив длинные уши. У него чесались лапы выдернуть блестящие длинные перья из похожего на ракету хвоста Лодди.

Луна разозлилась не меньше Фиччика.

– Уходи, – повторила она.

– А то что? – Сильвина вызывающе взглянула на нее, а потом, уже для Стефана, опустила ресницы, и их тень красиво легла на лицо, заставив юношу замереть от восхищения.

– Я не посмотрю, что ты девушка, и навалю тебе от души, – сказала Луна, воспользовавшись выражением рыжеволосых братьев.

В отличие от Стефана, она видела напускное жеманство Сильвины, и это выводило ее из себя. Уж кого-кого, а притворщиц она не любила никогда, ни в одном мире.

Аметрин успокаивающе сжал ее руку, хотя сам буквально кипел от злости. Конфликтовать с девушкой, даже такой, как Сильвина, было не в его правилах, поэтому он, призвав на помощь все свое самообладание, лишь угрюмо смотрел на нахалку и не вмешивался в спор.

⁶ Дивный шпательтэйл (*Loddigesia mirabilis*) – редкий малоизученный представитель рода колибри с уникальным окрасом и необычным хвостом, за который получил второе название «ракетоносная лоддигезия».

– Фу! Какая грубиянка! А ты точно девушка? Или мальчик в юбке?

– Ну ты доигралась, – побледневшая Луна сделала шаг вперед.

Фиччик приготовился. И тут до Стефана наконец дошло, что вокруг не порхают в романтическом танце бабочки, как ему казалось, а летает настоящий ураган из пылающих искр, сжигающих все вокруг.

Он резко встал и вмешался, опередив Аметрина буквально на долю секунды:

– Луна, в чем дело? Я чего-то не знаю? Что случилось?

– А случилось то, что эта... кхм-кхм... – Луна проглотила оскорбление, готовое сорваться с языка, – эта девица и есть та предательница, которая рассказала Гиацинту о планах Аметрина на портал. Помнишь отряд воинов, который мы видели, когда убегали от башни?

Стефан кивнул:

– Еще бы! Разве такое забудешь!

Картина вооруженных до зубов воинов, которые со свистом и улюлюканьем неслись к portalу, живо предстала перед его глазами. В тот момент он до смерти перепугался, еще ничего толком не зная об этом мире.

– Так вот, это она их подслала!

– Э-э-э... понятно, – выдавил из себя Стефан. – А зачем ты это сделала? – спросил он у Сильвины.

– Я тебе как-нибудь обязательно расскажу, – прошептала та, словно речь шла о каком-то волнующем секрете.

Однако благоразумие подсказывало Сильвине, что пришло время удалиться. Луна сжимала кулаки, да и Аметрин явно держался только благодаря военной выучке. К тому же разговор повернул в нежелательную сторону...

– Увидимся, – пропела она и ласково провела рукой по щеке Стефана, отчего тот покраснел. – А ты не ревнуй, – бросила она Луне. – Он все равно не будет твоим.

И, прежде чем потрясенная такой наглостью Луна нашла, что ответить, Сильвина вспорхнула, обдав Стефана искрящейся пылью, пакетик с которой незаметно достала из кармана. И эффектно (с этим не поспоришь) улетела ввысь.

Впечатленный Стефан, вновь открыв рот, долго глядел ей вслед, пока не получил от Луны ошутимый тычок в бок.

– Прекрати на нее глазеть, – потребовала она.

– А что, ты правда ревнуешь? – брякнул Стефан, чьи мозги, видимо, окончательно расплавились.

– С ума сошел, – обиделась Луна. – Думай, что говоришь!

– Ой, и правда, – спохватился тот. – Извини.

А в голове между тем крутилось: «Какая девушка, ах... какая девушка...»

– Вот бессовестная! – фыркнула Луна. – Бывают же люди, которых ничего не берет! Аметрин, ты как? – участливо спросила она.

– Нормально, – буркнул тот.

– Ну и хорошо, я за тебя волновалась. А ты, – обратилась она к Стефану, – хватит стоять столбом, идем во дворец. Скоро придет Сентария, и мы пойдем на прогулку, куда ты так хотел попасть. Я за этим, собственно, и пришла, чтобы тебя позвать. И, как оказалось, вовремя, а то бы ты поплыл окончательно. Сразу хочу сказать, чтобы ты не обольщался. Сильвина так себя ведет со всеми лицами мужского пола в возрасте от пятнадцати и до ста пятнадцати лет. Она считает себя первой красавицей в Драгомире и требует всеобщего поклонения. Так что ты один из...

– Да, друг, Луна права, – подтвердил Аметрин.

Стефан слушал их, но продолжал глупо улыбаться. Луна раздраженно пихнула его в бок.

– Да очнись ты уже!

Стефан виновато кивнул и поспешил за друзьями, впервые в жизни забыв книгу на столе. История Драгомира как-то незаметно отошла на второй план. Все его мысли заняла Сильвина.

9

Выйдя из сада, Луна с облегчением увидела Сентарию, которая торопилась им навстречу. Луна переживала, что подруга по какой-нибудь причине не приедет. Дело в том, что у нее был коварный план. Дождавшись, когда Сентария поравняется с ними, она горестно воскликнула:

– Ой, совсем забыла! У меня же сейчас анатомия! Друзья, простите! Просто вылетело из головы, что Эгирин попросил перенести занятия на утро. После обеда он работает с Сардером. И я вынуждена подстраиваться под его график. Это быстро, всего лишь час. Вы же подождете меня?

Сентария растерянно оглянулась, но, увидев Стефана, выдохнула.

– Хорошо, мы подождем тебя. Погуляем пока в саду.

– Замечательно, – фальшиво обрадовалась Луна.

Она не умела притворяться, и, видимо, друзья что-то заподозрили: все трое повернулись и с недоумением поглядели на нее. Чувствуя, как к щекам приливает кровь, Луна заторопилась:

– В общем, вы тут оставайтесь, а я пошла. Я быстро!

Она направилась к школе целителей, но вдруг остановилась и еще более невинным голосом произнесла:

– Стефан! Чего застыл? Тебе надо отдельное приглашение? Ноги в руки, и за мной. Ты же хотел посмотреть школу изнутри. Сегодня у нас нет никаких магических секретов, так что поторопись. Не упускать же такой шанс. А Аметрин пока развлечет Сентарию.

Она схватила за руку растерявшегося Стефана и потянула за собой. Тот ничего не понимал, ведь он уже много раз бывал в школе целителей и от него там не скрывали никаких секретов. Наоборот, зная, что он собирает материал для книги, преподаватели охотно делились информацией... И вообще, он бы предпочел прогулку по саду с друзьями. Стефан не особо любил стерильную школу Манибиона, которая давила на него своей белизной. Он уже собирался возмутиться, но вместо этого неожиданно взвизгнул. Это Луна, почувствовав, что Стефан замедляет шаг, ущипнула его за самое чувствительное место на руке, практически около подмышки, где кожа тонкая и нежная. Это было больно, о чем Стефан тут же сообщил страдающим голосом.

– Тише, – прошипела Луна без тени сочувствия. – Что ты как осел, честное слово. Быстро за мной, пока они не очнулись.

– Да объясни ты, что случилось? – проворчал Стефан, но тем не менее послушно зашагал за девушкой, которая почти бежала.

– Ну ты и правда осел! – воскликнула Луна почти с восхищением. – Когда еще представится шанс оставить Аметрина и Сентарию наедине? Аметрин отходит от меня, только когда я на занятиях. Вот и пришлось мне организовать внеплановый урок для себя и Эгирина, чтобы дать им возможность поговорить. И за тобой я пришла, чтобы вытащить из сада. Никто не должен им мешать.

– А... Так это ты сама придумала себе занятие? – протянул Стефан, начавший соображать.

– Долго же до тебя доходит, – усмехнулась Луна.

– И на тренировку Аметрин не сможет пойти, ведь не оставит же он Сентарию одну, – начал рассуждать Стефан.

– Именно, – торжествующим тоном ответила девушка и усмехнулась.

– Ну ты голова!

– А то!

За разговорами они быстро дошли до школы и поздоровались с Эгирином, который стоял на крыльце.

– Вовремя ты! – воскликнул Эгирин. – Урок вот-вот начнется. Я уже хотел идти за тобой.
– У меня все рассчитано, – гордо сказала Луна, внутри сходящая с ума от беспокойства.
«Только бы все получилось, только бы все получилось», – думала она.

Зайдя в школу, она привычно повернула в правое крыло, где располагались лаборатории. Стефан был прав, называя школу Манибиона стерильной. А как ее по-другому назвать, когда внутри и снаружи преобладал белоснежный цвет, столь любимый целителями? И стены, и потолок, и двери кабинетов, и даже шторы были белыми. Только пол избежал этой участи и был выложен золотистой плиткой. Все-таки белый пол – это непрактично.

Надев халаты, конечно же белого цвета, и сразу став похожими на взрослых целителей, друзья заторопились на урок анатомии. Придя в кабинет, битком набитый учебными пособиями, позволяющими детально изучить строение человека, они с облегчением увидели, что преподавателя еще нет. Значит, не опоздали.

Воспользовавшись отсутствием целителя, Стефан тут же начал дурачиться. Он встал позади искусственного скелета и в шуточном приветствии протянул его костлявую руку к Эгирину.

Луна бродила среди экспонатов, задумчиво разглядывая то огромный глаз, то разрезанное пополам сердце размером с арбуз. Наконец она остановилась у анатомической модели человека. Его брюшная полость была заполнена искусственными органами, полностью соответствующими реальным человеческим и по внешнему виду и по размерам. Луна рассеянно глядела на манекен, но мысли ее витали далеко. Она переживала за друзей и пыталась представить, что у них происходит. Как сквозь туман до нее доносился хохот Стефана, который продолжал развлекаться, заставляя скелет отдавать честь, а затем и вовсе танцевать, поставив его ноги на свои изрядно стоптанные ботинки. Луна машинально дотронулась до отполированной поверхности манекена, и неожиданно печень с грохотом повалилась на пол. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент хлопнула дверь и в класс торопливо вошел запыхавшийся преподаватель, видимо, забывший о внеплановом занятии. Испуганно присев, Луна подняла муляж и попыталась пристроить его обратно. Но упрямый орган никак не хотел держаться в положенном месте и постоянно выпадал наружу. Пришлось Луне спрятать печень за спину и, улыбаясь во весь рот, поздороваться с преподавателем.

– И вам здравствуйте, мои дорогие ученики, – приятным баритоном отозвался тот и быстро пошел по классу, жестом приглашая друзей следовать за ним. – Итак, сегодня у нас с вами краткий экскурс в историю анатомии. Я расскажу, как появилась эта наука, столь важная для целительства, – на ходу начал он лекцию.

Подойдя к доске, он повесил на нее плакат с портретами ученых, заложивших основы анатомии. Луна уже с трудом удерживала муляж за спиной, поскольку он стал скользким из-за вспотевших от волнения ладоней. Преподаватель, не сбиваясь с лекторского тона, мерно проговорил:

– Луна, будь добра, верни печень на место. Онуфрий жалуется, что ему холодно. Сквозняк, понимаете ли!

Стефан и Эгирин недоуменно взглянули на девушку, которая тут же залилась краской. Пятясь, она подошла к манекену и вновь попыталась вернуть тому утраченное.

– Как вы сказали? Онуфрий? – переспросил Стефан, еле сдерживая рвущийся наружу смех.

– А что такое? – поднял брови лектор. – На мой взгляд, подходящее имя.

– Обожаю целителей, – все-таки расхохотался Стефан, – только вы могли дать имя учебному пособию со всеми внутренними органами наружу!

Целитель даже не улыбнулся. Увидев, что Луне наконец удалось втолкнуть упрямый муляж на место, он невозмутимо продолжил:

– Вот и отлично. Онуфрию вновь тепло, и я могу спокойно читать лекцию, не отвлекаясь ни на чьи жалобы.

Луна тряхнула головой и встала рядом с Эгирином, который тоже едва сдерживал улыбку. Стефан хоть и отсмеялся, но рот у него невольно растягивался до ушей, выдавая отличное настроение.

В саду же царил мрачная атмосфера. Аметрин и Сентария брели по тропинке, стараясь не соприкоснуться руками и выдерживая расстояние. На беду, Фиччик и Чиру, которые решили остаться в саду, забрали с собой Лиссу и Серафима, и теперь из кустов доносился веселый писк. Хранители устроились на качелях и всюду развлекались, оставив парочку в полном одиночестве.

Сентария, в отличие от недогадливого Аметрина, сразу же раскусила хитроумный маневр подруги и теперь мучительно молчала, не зная, с чего начать разговор. Аметрин же словно не замечал гнетущей обстановки и продолжал спокойно шагать вперед, только немного сбавив скорость, чтобы его спутница не сильно отставала. Судорожно сжав похолодевшие ладони, Сентария глубоко вздохнула и, решившись, тихо произнесла:

– Луна оставила нас одних, чтобы мы могли поговорить.

– А что? Что-то случилось? – спросил Аметрин, притормозив.

– Почему сразу «случилось»? – растерялась Сентария. – Все хорошо. Просто нам нужно поговорить.

– Понял! Слушаю тебя! – практически отрапортовал Аметрин.

Деревья вокруг чуть слышно застонали, искренне желая девушке терпения. Сентария от его тона забыла все заготовленные фразы и вновь замолчала. Деревья, уже не скрываясь, завздыхали, а цветы печально опустили бутоны.

«С таким сухарем не видать нам романтической сцены», – уныло думали они.

Тут, к счастью, рядом появилась Лисса, которая внутренним чутьем поняла, что ее подопечный ведет себя как полный чурбан, и поспешила на помощь, пока тот окончательно не оконфузился. Хотя обычно хранители не вмешиваются ни в семейные, ни в любовные дела.

– Неужели ты не понимаешь, что тебе нужно наладить отношения с Сентарией? – раздраженно воскликнула она.

Чтобы общаться с Аметрином, нужно было иметь неисчерпаемые запасы терпения. И уж чем-чем, а терпением Лисса никогда не отличалась. От ее напора Аметрин растерялся:

– Что значит наладить отношения? Я что, умудрился их испортить?

– Еще как! – фыркнула Лисса. – Бесчувственное ты бревно!

Благодарные деревья осыпали хранительницу пылью. Цветы подняли бутоны и разбавили тишину мелодичным перезвоном. Они изо всех сил старались помочь Сентарии, которой предстоял нелегкий разговор. На ветке примостились крохотные певчие птички и нежными голосами завели трогательную мелодию, а ветер добавил к атмосфере чарующий шепот листьев. Даже солнце немного приглушило свет, чтобы ничто не отвлекало молодых людей.

– Надеюсь, ты все понял? – немного угрожающе произнесла Лисса. – Не буду вам мешать, но чтобы к моему возвращению ты все решил.

Хранительница погрозила пальчиком, словно перед ней стоял не двухметровый детина, а неразумный озорник. Подмигнув оторопевшей Сентарии, она взмахнула хвостом и удалилась к другим хранителям.

Когда они остались одни, Аметрин, уже немного оправившийся после отповеди Лиссы, вновь принял невозмутимый вид и поинтересовался:

– Так что случилось у нашей королевы роз и фиалок?

– Вообще-то я развожу орхидеи, – вспыхнула Сентария. – Мог бы уже и запомнить. Не первый день меня знаешь!

– Ох, извините! – тут же ошетинился Аметрин.

Сентария была единственной, кто мгновенно мог вывести его из себя.

– Так что же стряслось у королевы орхидей? И вообще, разве могут быть какие-то проблемы у таких злючек-колючек? Вот уж не подумал бы.

Сентария сглотнула непрошеные слезы и хотела что-то запальчиво возразить, но усталость и переживания последних месяцев нахлынули на нее. Закусив губу, она глубоко вздохнула. Из последних сил сдерживаясь, чтобы не разреветься от обиды, она выдавила:

– Да ничего у меня не случилось. Иди куда хочешь. Без тебя обойдусь.

Она развернулась и побежала по тропинке, ведущей к дворцу, ничего не видя от слез. Но при этом Сентария высоко подняла голову, а спину выпрямила так, что та даже заболела от напряжения. Еще не хватало, чтобы Аметрин понял, как ей плохо. Ни за что она не покажет ему свою слабость. Она просто не будет с ним разговаривать. Никогда.

Аметрин растерянно смотрел ей вслед, и вдруг ему стало так тяжело на душе, что он даже опешил. Он понял, что не хочет, чтобы Сентария ушла вот так. Аметрин быстро догнал девушку, схватил ее за руку и с изумлением увидел заплаканное лицо. При виде ее слез что-то расплавилось в груди и ему даже стало трудно дышать. Кое-как набрав воздуха, он горячо заговорил:

– Прости! Сам не знаю, что на меня находит. И почему я становлюсь таким тупым и грубым? Что ты хотела сказать? Я слушаю тебя.

Он пытался заглянуть ей в глаза, но Сентария упрямо отворачивала лицо.

– Это уже неважно, – обронила она.

– Нет, важно! Я чувствую, что это важно и для тебя, и для меня. Я очень хочу знать... И я... Прости меня.

– Я хотела сказать, что мы должны наладить нормальное общение. Мы не можем постоянно цепляться друг к другу. Из-за этого страдаем и мы сами, и Луна. А уж она совсем не виновата, что мы никак не можем поладить.

– А мы разве не можем поладить? – искренне удивился Аметрин. – Мне кажется, я всегда хорошо к тебе относился.

– Да, конечно. Извини, – пробормотала Сентария, не зная, что еще сказать.

Выходит, она себе что-то придумала, а на деле ничего и нет. Он к ней всегда *хорошо относился*, и точка. Чувствуя, как колотится сердце, Сентария все же нашла в себе силы тихо улыбнуться и сказать:

– В общем, Луна моя подруга, а ты ее друг. Поэтому нам нужно научиться терпеть друг друга.

– Дао чем ты говоришь, Сентария? Разве я когда-то отворачивался от тебя?

«Нет, – подумала Сентария. – Ты всего лишь меня не замечал...»

Не дождавшись ответа, Аметрин лихорадочно продолжил, машинально схватив девушку за руки:

– Подумаешь, пару раз укололи друг друга. Мне даже нравится, что ты такая колючая. Тебе слово, ты в ответ два. Это же здорово, когда человек может постоять за себя. Терпеть не могу этих красавиц, которые только ресницами хлопают и слова тянут. А ты, наоборот, ого-го. Огонь, короче. Хоть и не из наших, но тоже боевая.

Деревья, слушая это, уже хотели застонать от огорчения, но поняли, что это максимум, на что способен Аметрин, и в его устах это настоящий комплимент. Немного поскрипев ветками, они продолжили подслушивать. Шанс увидеть романтическую сцену увеличивался на глазах. Может, хоть у этих что-то получится? А то ходят тут одни, ходят и ходят, а толку нет. Ни тебе объятий. Ни даже крохотного поцелуйчика.

– О-огонь, – повторила Сентария, удерживаясь, чтобы не захлопать ресницами, ведь, как выяснилось, Аметрин этого не любит.

– Ну да! – тот обрадовался, что Сентария с ним заговорила. – Я вовсе не хочу с тобой ругаться. А уж тем более враждовать. И вообще, мне нравится, когда ты рядом.

Выпалив последнюю фразу, Аметрин застыл от неожиданности. Он сам не понял, откуда она взялась и как получилось, что он ее произнес.

– Правда? – прошептала Сентария.

Ее лицо озарилось такой улыбкой, от которой Аметрин почувствовал, что готов повторить эту фразу еще много раз.

– Да! – смущенно сказал он.

– Мне тоже нравится быть рядом с тобой, – тихим голосом призналась она и очаровательно покраснела.

Аметрин не мог толком вдохнуть, так тесно стало в груди.

Деревья застыли в томительном ожидании: вот он, момент, которого они так ждали! Не в силах сдерживаться, листья зашептали: «Целуй! Целуй! Целуй!» Сентария легко разобрала их шепот и покраснела еще больше.

Вдруг в ближайших кустах раздалось звонкое «апчхи!» и следом злобное шипение:

– Тише ты!

Аметрин быстро раздвинул ветви и увидел счастливые мордахи Пиритти и Пироппо. Они глупо улыбались и изо всех сил подмигивали ему всеми глазами одновременно. Братья, по всей видимости, не испытывали ни малейшего сожаления, что их обнаружили. А вот деревья очень разозлились. Куст, в котором прятались братья, вытащил из почвы узловатый корень и ощутимо огрел обоих пониже спины.

– Ай! – взвизгнули они и вывалились на тропинку.

Впрочем, братья тут же забыли о шлепке и растянули рты в таких многозначительных ухмылках, что молодым людям впору было провалиться сквозь землю от смущения.

Пиритти, непрерывно подмигивая, из-за чего создавалось впечатление, что его бьет нервный тик, радостно протянул:

– Маме она понравится. Точно-точно!

– Да чтоб мне сгореть на месте, – добавил не менее довольный Пироппо.

– Ах вы... – Аметрин не смог закончить фразу: все слова объявили забастовку и ушли в туман, не сказав, когда вернуться.

Ему оставалось лишь издавать невразумительные звуки, которые даже при большом уважении к Аметрину никак нельзя было назвать словами.

Сентария, глядя на это, звонко расхохоталась, тем самым положив конец неловкой сцене. Вся компания пошла к школе Манибиона, из открытых окон которой как раз донесся раскатистый звонок, извещающий о конце урока. Пиритти и Пироппо, торжественно маршировавшие впереди, периодически оглядывались с улыбками на пол-лица, так что Сентария не знала, смущаться ей или опять смеяться. А Аметрин, к которому пока не вернулся дар речи, просто грозил им кулаком.

– Ну что? Как ваши дела? – спросила запыхавшаяся Луна. – Привет, Пиритти! Привет, Пироппо, – быстро поздоровалась она, как и Сентария с Аметрином, совсем не удивившись их появлению.

– Ой, Луна, мы *такое* видели... *Такое* видели, – затараторили братья, выпучив глаза.

– А ну-ка тихо! – грозно цыкнул на них Аметрин. – Ничего *такого* вы не видели.

– Видели, видели, – ухмыльнулись мальчишки.

– Я сказал прекратить! – начал наливаясь краской Аметрин.

– Фу ты ну ты, какие мы грозные, – отреагировал Пиритти.

– Да иди ты! – подхватил Пироппо. – Что хотим, то и говорим!

Аметрин шагнул к братьям, намереваясь тряхнуть их за шиворот, чтобы стрясти это нахальное выражение с их лиц. Но не успел. Мальчишки живо спрятались за спину Сентарии. Когда Аметрин растерянно остановился, выражение их лиц стало *невыносимо* нахальным.

– И ничего ты нам не сделаешь! – приплясывая, пели они. – У нас теперь вон какая защитница есть!

И начали из-за спины девушки корчить гримасы, изображая воздушные поцелуи и сердечки.

– Фух... Значит, все хорошо! А я так беспокоилась, – пробормотала Луна и смутилась, поняв, что выдала себя и свой грандиозный план заодно.

Подойдя к подруге, она крепко обняла ее, искренне радуясь и одновременно сгорая от любопытства.

– Жду полного отчета со всеми подробностями, – прошептала Луна ей на ухо, но Сентария лишь улыбнулась в ответ.

Стефан с Эгирином почему-то кинулись поздравлять Аметрина и жать ему руку. Зачем? Они и сами не поняли. Ведь речь шла не о помолвке или свадьбе, а лишь о том, что Аметрин и Сентария нашли общий язык. Но они были так рады за их нерешительного друга, что не удержались.

– Ну что?! – радостно воскликнула Луна. – Вперед, на экскурсию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.